

Ульяна Бисерова

ПОД КОЖЕЙ ТОЛЬКО Я

Ульяна Бисерова
Под кожей – только я
Серия «NoSugar. Антиутопия»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68934828
Под кожей только я : NoSugar Books: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-159453-4

Аннотация

Недалекое будущее, юный Лука живет в Ганзейском союзе, отдельном государстве, которое образовалось в северогерманских землях. Он берется за любую работу, лишь бы добыть деньги, но одна из подработок оказывается не вполне легальной, и, спешно пытаясь спастись от сил правопорядка, герой сталкивается с парнем, который почти как две капли воды похож на него. Встреча становится для него судьбоносной, ведь оказывается, что Лука вовсе не тот, кем считал себя всю жизнь. Задачи, которые ему предстоит решать, находятся на совершенно ином уровне. Можно ли убежать от своего предназначения? Или неверно его истолковать? Для широкого круга читателей.

Содержание

Часть 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Ульяна Бисерова

Под кожей только я: NoSugar Books

© Бисерова У., 2023

© SKxviii., иллюстрации, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

– Что-то не так.

– Всё под контролем.

– Нет, что-то не так. Трансляция сбоит.

– Заткнись и займись делом. Проверь датчики и клеммы.

Голоса сталкиваются, мечутся по комнате, вонзаясь в висок, как стальная игла. Хочется отмахнуться, как от назойливой мухи, но рука превратилась в обломок скалы. Не чувствую ничего, кроме прохладной и твердой поверхности кушетки. И легкого щекочущего холодка где-то на затылке. Сердце сонно гонит кровь по венам – кажется, от одного удара до другого проходит целая вечность. В ушах нашептывает нездешнее море.

– Давление и пульс нестабильны.

Слепяще яркий свет пробивается даже сквозь сомкну-

тые веки. Хочется открыть глаза или, наоборот, зажмуриться сильнее, пока не поплывут красные круги, но сил не хватает даже на это. Тревожный запах стерильной чистоты. Так пахнет только в клиниках.

– Он что, в сознании?! Эй, парень!

– Ты сбрендил? Обычный поток сознания. Следи, чтобы шла фиксация.

Как я здесь оказался? Кто эти люди? Вчера... Что же было вчера? Не помню... Как же так? Совсем не помню.

Зато зачем-то вспомнилось, как в детстве учился кататься на велосипеде. После дождя, который прошел накануне, в саду было сыро и ветрено. Кто-то из взрослых – не помню кто, но точно не отец – придерживал сиденье. Переднее колесо виляло, и велосипед сильно наклонялся то вправо, то влево. Я уже сбил колени, но не сдавался из-за сердитого упрямства. Так хотелось вырваться из-под опеки, разогнаться до свиста ветра в ушах. Крикнуть: «Смотри, я сам!» Я закусил губу и поднажал. Дорожка пошла под уклон, велосипед мелко задрожал, будто вот-вот развалится на части. Я одеревенел. И через мгновение свалился в кусты акации, ошестинившиеся голыми ветками. Когда открыл глаза, увидел пролетающий в пронзительно синем небе птичий клин... Кстати, интересно: если птице вживить разум человека, она сможет решать математические задачки, но уже вряд ли проложит путь из Африки к местам гнездовья без навигатора. Да и вообще не встанет на крыло. Чтобы взлететь,

надо верить, что тебе это по силам, что воздух удержит и ты не рухнешь камнем вниз...

– Что он плетет?

Мысли путаются. Наверное, мне вкачали слишком маленькую дозу наркоза, и я проснулся посреди операции. Значит, я умру от болевого шока...

– Сколько ты вколол?

– По инструкции.

Как они слышат мои мысли? Или я разговариваю вслух? Почему я не слышу звука собственного голоса? Мозг превратился в подрагивающий студень. Хотя это, кажется, как раз в рамках нормы... Интересно, а если сделать наоборот: и птичий разум вживить в тело человека, преодолет ли этот человек земное притяжение одной лишь силой мысли? Будет ли подпрыгивать на земле, нелепо размахивая руками, или поднимется на крышу самого высокого небоскреба в городе, чтобы поймать попутный ветер?..

Ну что за бред! Похоже, дела мои совсем плохи...

Где-то хлопают двери, слышны звуки быстро приближающихся шагов и взволнованные голоса.

Небо – далеко. И я – не птица. Или?.. В глазах медленно темнеет, как в старом фильме. Только где-то по краям, на периферии, пылают огненные дуги.

– Остановка сердца.

Часть 1

Лука

Когда пешка доходит до восьмого квадрата, игрок имеет право выбрать фигуру независимо от того, была ли эта фигура ранее утрачена в игре или нет, и тогда пешка станет этой фигурой со всеми ее свойствами или – решением игрока – останется пешкой.

Вильгельм Стейниц,

Введение в современные шахматы

– Эй, Снежинка!

Один из каменщиков, сгребаяющих лопатами бетонное крошево, устало распрямился. С расстояния в двадцать шагов подросток в заскорузлой от стылой февральской сырости робе казался нахохлившейся болотной птицей. С мрачной радостью Хьюго заметил, что после вчерашней драки кроваподтек под левым глазом Луки налился сизой спелостью. Впрочем, и для самого Хьюго потасовка прошла не без потерь – рассеченная губа распухла, отчего он теперь пришепывал еще заметнее, чем обычно. Ну да ничего, сейчас крысёныш получит сполна, мысленно усмехнулся он.

Месяц назад Шлак сделал Хьюго подрывником, и в бригаде втайне выдохнули, надеясь, что это положит конец издевательствам и побоям. Не тут-то было. Хьюго не собирал-

ся отказываться от лишней пайки и удовольствия поиздеваться над грязными оборванцами. А уж изобретательности ему было не занимать. Одна беда – белобрысый выродок, который напросился на тяжелую и плохо оплачиваемую работу – разбор завалов после взрывов – начал в последнее время скалить зубы. То и дело встревал, когда Хьюго после смены собирал с тощих мальчишек обычную дань. Вот и вчера, когда он планировал хорошенько прижучить косоглазого задохлика, который заныкал талоны и божился, что где-то обронил их, этот невесть откуда взявшийся Робин Гуд перехватил его руку, уже занесенную для удара. Завязалась потасовка. Хьюго всегда был крайне осмотрителен в выборе противника, он рассчитывал уложить Луку одним верным ударом. Но его ожидал неприятный сюрприз – парень оказался жилистым и вертким. Так что – и при одной мысли об этом у Хьюго сводило челюсть, как от зубной боли – если бы подручные Шлака не подоспели вовремя и не разняли сцепившихся мальчишек, еще неизвестно, кто из них одержал бы верх. Наглеца следовало проучить, и без промедления.

Вчера, когда в груди еще жгла и полыхала бессильная ярость, Хьюго придумал план мести: подловить удачный момент и столкнуть его вниз. Несчастные случаи на демонстрационной площадке происходят чуть ли не каждый день, кто станет пересчитывать беспризорных пацанят. Но уязвленное самолюбие Хьюго, которое до сих пор желчью плескалось у самого горла, требовало красивой мести. Сделать его посме-

щищем, жалким и ничтожным. Выставить полным кретином. Втоптать в пыль. На глазах у всех. Хьюго достал из кармана сверток, обернутый в промасленную бумагу и перетянутый клейкой лентой крест-накрест, и помахал им.

– Взрывчатка, – выдохнул за спиной у Луки Флик.

Хьюго ухмыльнулся, заметив, как вытянулось от страха лицо арабского заморыша, который вечно ошивался где-то поблизости от Луки. Достав из кармана зажигалку, Хьюго запалил короткий обрывок фитиля. И, замахнувшись, швырнул взрывчатку.

Потом, когда течение времени вернулось к обычному темпу, Лука вряд ли сумел бы внятно объяснить, зачем бросился ловить летящую связку динамита, а не рухнул в бетонное крошево, обхватив голову руками, как это сделали все вокруг. Он вовсе не был героем. Шашка летела по высокой дуге мучительно медленно, как павлин-альбинос, рассыпая искры и оставляя тающий дымный след. Зоркими, чужими глазами Лука наблюдал за происходящим, как будто проматывал в замедленном режиме запись, сведенную сразу с десятка камер. Он видел Хьюго, еще не распрямившегося от броска, с перекошенным от злобы лицом. Видел Флика, вцепившегося в его, Луки, правый рукав: в широко распахнутых глазах друга плескался неподдельный ужас. Чувствовал скрещение еще десятков чужих взглядов, видел раскрытые в безмолвном крике рты. Спустя, казалось, целую вечность взрывчатка приземлилась прямехонько в его раскры-

тые ладони. Не сводя взгляда с крошечного быстрого огонька, Лука резким рывком отшвырнул Флика и рухнул, накрыв шашку своим телом. Сердце гулко ухнуло и замерло.

Лука успел досчитать до десяти, а взрыва все не было. Приоткрыв правый глаз, он увидел Хьюго, который, согнувшись, заходился в беззвучном смехе.

– Смени штаны, Снежинка! Я смеюсь сам-смерть! – верещал он.

Лука медленно поднялся, стряхивая с робы серую пыль. Отшвырнул связку фальшивого динамита. На бледном, покрытом веснушками лице проступили красные пятна.

«Резкий скачок адреналина в крови. Источник опасности не обнаружен. Осуществить связь со службой экстренной помощи?» – прозвучал в голове бесстрастный голос Эфора¹, который незримо присматривал за каждым в Ганзе.

«Запоздал ты что-то, приятель. Отмена».

Лука с трудом сдерживал злость: вот придурок, купился на дурацкий розыгрыш. Хьюго, конечно, отмороженный на всю голову, но все же не свихнувшийся птичий профессор. Будь взрывчатка настоящей, ударной волной разнесло бы весь этаж, и он сам оказался бы в эпицентре взрыва.

– Что тут, черт подери, происходит?!

Услышав властный окрик бригадира подрывников, Лука быстро опустил взгляд. Не хватало еще, чтобы Шлак вышвырнул его с площадки. О бригадире ходили легенды. Пе-

¹ Эфор – искусственный интеллект, следящий за общественным порядком.

решептывались, что во время войны он был подрывником и чудом выжил в пылающем аду, когда его отряд окружили, – единственный из всего взвода. Все его тело было изрешечено пулями, пробит позвоночник – если бы не экзоскелет, он вряд ли бы смог сделать хоть шаг. Лицо стягивали уродливые шрамы от ожогов, а вместо левого глаза была стальная пластина. Это, впрочем, совершенно не мешало ему видеть то, что обычно ускользало от взгляда начальства.

– Отвечай, Хьюго.

– Непорядок, бригадир, – непривычно высоким голосом проблеял Хьюго. – Каменщики бросай-дело, шепотки-пускай. Ленивые крысы! Я иди-мимо и скажи: «Время-нет перерыв, солнце – высоко».

– Ясно. Дай мне это.

– Что, бригадир?

Правая бровь Шлака едва заметно приподнялась.

– А-а, это? – Хьюго, метнувшись, как подстреленный, поднял запыленный брусок и поднес Шлаку. В руках бригадира муляж внезапно завибрировал и с шипением развалился надвое, испустив жалкий фонтанчик разноцветного конфетти.

– Шутка, – пролепетал Хьюго, в лице которого не осталось ни кровинки.

Шлак с каменным лицом стряхнул с затертой штормовки рассыпавшиеся блестки.

– Обхохочешься. Отойдем-ка на пару слов, парень.

Провожая взглядом ссутулившегося, зачочневшего

от ужаса Хьюго, Лука почти готов был посочувствовать недругу, которого еще пять минут назад рвался измочалить.

– За работу! Живо! – гаркнул кто-то из старших. И все как будто только и ждали команды – засуетились, схватились за лопаты, молоты, кирки, тачки, и уже через пару минут на демонстрационной площадке закипела привычная муравьиная возня. Вчера подрывники обрушили перекрытия восьмидесяти седьмого этажа высотки, где когда-то, как гласила выцветшая вывеска, располагалась штаб-квартира NDR Media. Пыль уже осела, и каменщикам предстояло разобрать завалы, сгрузить бетонные обломки в тачки и отвезти к транспортной ленте, которая спускалась до самой земли, где на погрузке уже ждали гигантские самосвалы.

Это в прежние времена люди строили. Небоскребы, дороги, мосты. Рыли подземные туннели, прокладывали рельсы, скрепляя мир стальными обручами. Только ничего путного все равно не вышло – старый мир взорвался, распался на лошкаты. Сегодня каждый был сам за себя. Уцелевшие города, как средневековые княжества, устанавливают собственные законы и порядки, стараясь защитить земли от вторжения чужаков. Крепостные стены ограждают и от банд вооруженных головорезов, и от нескончаемой вереницы голодных попрошайек, которые шатаются по дорогам, пробавляясь мелкими кражами и разнося смертельные вирусы.

Чтобы строить стену, нужны сталь, раствор и камни. Магистрат Гамбурга по примеру других городов Ганзейского

союза издал постановление о демонтаже строений выше семи этажей. Обломки стен и перекрытий небоскребов можно снова превратить в стройматериал. Рекрутер магистрата, который вышел к толпе отчаявшихся безработных, сперва засомневался на счет белоголового долговязого пацаненка – сдвинет ли тот с места нагруженную щебнем тачку, но потом устало махнул рукой: может, хоть откормится на талонах.

В первый раз поднявшись на сотый этаж, Лука онемел, когда увидел раскинувшийся у ног Гамбург – суровый, краснокирпичный, с готическим пиком Михеля, который оберегает город с незапамятных времен, и выпуклой изумрудной каплей озера Альстер. В сити еще сохранилась пара десятков серых небоскребов, похожих на сторожевые башни. Иногда в небе над городом поблескивали серебристые капсулы аэротакси. На южной окраине белели особняки богатых кварталов, утопающие в зелени. А с северо-востока, как темная раковая опухоль, расплзалось гетто – район где теснилась беднота. Если постараться, можно различить в кривом лабиринте улиц муниципальный дом, где была крошечная квартира, в которой жили они с Йоаной.

Лука отвернулся и бросил взгляд на запад – там, за смутной линией горизонта, серая лента реки впадает в Северное море, а в гудящем суетой порту теснятся огромные корабли, баржи и сухогрузы. С бешено колотящимся сердцем, задышавшись от порывов ветра, Лука на краткий миг представил, что стоит на капитанском мостике трансатлантического лай-

нера, рассекающего безбрежную гладь моря. И тут же осекся: размечтался, как сопливый мальчишка.

Бригада, быстро позабыв о происшествии со взрывчаткой, вернулась к разбору обломков бетонных стен. Странно было представить, что еще каких-нибудь пятнадцать-двадцать лет назад в этом небоскребе располагались фешенебельные апартаменты и офисы. Целая армия клерков в строгих костюмах, как у работников похоронной конторы, и с таким же застывшим выражением сдержанного прискорбия на лице, склонив головы, сухо выстукивает пальцами по клавиатуре ноутбуков. Сейчас в выбитые окна свистел ветер, но воздух все равно был затхлый, неживой. Пахло слежавшейся пылью, отсыревшей ветошью и птичьим пометом. По углам намело груды хлама: побуревшие от времени обрывки бумаги, осколки стекла, ржавые трубы. Все, что было ценного, давно растащили: даже электрические кабели, утопленные в стенах, вырваны. Обычно к приходу сломщиков даже крыс в здании уже не остается, разве что иногда хрустнет под ногой истлевшая тушка, похожая на старую подошву.

Подрывники, разумеется, мнят себя важными «шишками»: именно они первыми осматривают площадку, определяют слабые места в конструктиве, закладывают взрывчатку и обрушивают часть этажа. Потом приходится день-два переждать, пока осядет пыль, и наступает черед каменщиков, которые разбирают завалы.

Обычная смена – шесть часов, с десяти до четырех, по-

ка светло. У каждого на сломе есть дневная норма, и если не филонить и не трепаться, можно даже накидать сверху и получить лишний талончик. Новичков сразу видно – нороят тут же ухватиться за самые крупные обломки, как будто откопали золотой самородок: долго ходят кругами, примериваясь, как бы удачнее ухватить, пыжатся, кряхтят и только зря время теряют. Некоторые, наоборот, лопатой весь день машут, как заведенные, сгребая мелкое крошево. Но самое верное, как быстро вычислил Лука, – собирать осколки величиной с кулак. Спина к вечеру, конечно, гудит и ноет, а ноги, если приходится забираться выше семидесятого этажа, горят так, будто наступил на оголенный провод, но уже через месяц-другой перестаешь это замечать. Работа как работа.

Бригадир талоны не зажимает, как не раз случалось на разборе ржавых трейлеров в доках, и ребята хорошие, надежные. Правда, пылища стоит столбом, так что приходится постоянно носить защитную маску. Уже через пять минут кожа под ней начинает невыносимо свербеть, и многие просто срывают ее со злости. Лука каждый вечер распускает шов, чтобы достать и прополоскать фильтр, и видит, как стекают грязно-серые разводы. Конечно, по инструкции маска рассчитана всего на четыре часа, но она еще вполне годная, хоть и досталась год назад ему уже не новой.

Бывает, конечно, что подрывники с взрывчаткой схалтурят и обваливают слишком большие куски стен и перекрытий, которые даже втроем не приподнять. Тогда сломщи-

ки, орудуя ломами и кувалдами, крошат бетон, выламывают струны арматуры: черный металл в цене. Здание в сто этажей исчезает за несколько месяцев – остаются лишь груды непригодного для переработки мусора на истоптанной, взрытой протекторами, окаменевшей земле. А через год-два смотришь – бурьяном в человеческий рост все заросло. Как и не было ничего.

В первый день на демонстрационной площадке Лука, потерявший счет времени от усталости, сорвал маску и пробурчал, что заставлять людей вкалывать до седьмого пота там, где прекрасно справятся роботы-погрузчики, – просто издевательство. Минуты три все хмуро молчали. А потом кто-то из старших сплюнул и сказал, что люди обходятся гораздо дешевле машин – не нужно тратиться на техобслуживание и ремонт износившихся деталей: если каменщик заболел, на его место всегда найдется пять трудяг, готовых с утра до ночи таскать тачку за талоны. Небоскреб можно сломать и голыми руками. А если кто-то считает, что это слишком грязная работенка, так никто силой не держит. Лука прикусил язык и снова взялся за лопату.

На самом деле зря поговорку придумали: мол, ломать – не строить. Хорошо построенное ломать тяжело. Да и не слишком-то весело. Но Лука старался не задумываться о всяких глупостях, а просто молча делал свое дело, чтобы лишний раз не нарываться на сердитые окрики бригадира.

Если вдуматься, ему здорово повезло: на демонстрационную

площадку еще не каждого возьмут. Нужны крепкие ноги, чтобы каждый день взбираться по сотням лестничных маршей, потому что лифты давно обесточены. И главное – чтобы голова не кружилась от высоты. Лука повидал немало парней – с виду крепких, а как поднимутся на тридцатый этаж или чуть выше, глянут в проем – так сразу ползут к стенке на четвереньках.

Выше пятидесятого ветер всегда сильный. И это хорошо – пыль уносит. Но может и с ног свалить. Во время смены некоторые рабочие специально карманы камнями набивают, чтобы не подхватило ветром. По периметру здания на каждом пятом этаже специальная сетка натянута, чтобы задерживать крупный обломок или тачку. Или зазевавшегося рабочего. Всякому ясно: если мимо просвистишь, на земле останется только бесформенная груда переломанных костей. Похоронят за счет магистрата.

В этот момент один из старших рабочих дунул в свисток, объявляя пятиминутный перерыв. Лука расправил затекшие от напряжения плечи, отошел в сторону от каменщиков, угрюмо перекидывающихся короткими фразами.

Ветер был уже весенний, сырой. Пахло холодным морем и выцветшим, как изношенная майка, небом. Солнце пригревало еще не всерьез, но зима уже сдалась, отступила. Весна всегда дарит надежду. Может, и правда, все, наконец, наладится? Йоана простыла еще осенью, да так и болеет: жар схлынул, а кашель – тяжелый, нутряной – остался. Ис-

худала так, что под глазами залегли лиловые тени.

Хорош бы он был, если бы до сих пор сидел на ее шее! За последнюю пару лет Лука успел побыть полотером в трактире, посыльным в мотеле и потрошителем ржавых барж в дальних доках, пока несколько месяцев назад не пришел на слом. Поначалу Йоана донимала уговорами: «Не голодаем же, успеешь еще руки намозолить! Ладно бы бездарь, а то ведь светлая голова!» Лука отмалчивался, зная: после той истории с Петером в школу он не вернется и гнул свою линию. Не маленький уже, пора на хлеб самому зарабатывать.

В конце дневной смены всем рабочим выдают талоны на еду, можно принять горячий душ, да еще и обедом накормят. Не королевская трапеза, конечно – картофельная или гороховая размазня с соевым брикетом, но зато dna хлебной корзины еще никто не видел. При мысли об обеде Лука ощутил в животе привычную тянущую пустоту. Есть хотелось всегда, сколько он себя помнил. Йоана даже смеялась: тощий, как спица, куда только все проваливается. Сама-то она до болезни была пухлой, круглой, точно румяная сдоба, хотя Лука не мог припомнить, чтобы она когда-нибудь накладывала себе полную порцию – так, что-то на бегу перехватывала, торопясь на смену.

Раздалось два коротких свистка – перерыв окончен. Лука обернулся, услышав пронзительный вскрик, обрывок которого принес порыв ветра. Огляделся по сторонам: бригада размеренно, монотонно складывала серые обломки в тач-

ки. Он бросил вопросительный взгляд на Флика, но приятель лишь недоуменно пожал плечами и бросил в тачку кусок бетона.

С Фликом они в последнее время стали неразлучны. Вообще здесь, на сломе, все ребята подобрались нормальные, без гнильцы. Когда тащишь с кем-то в паре носилки с инструментом пятьдесят пролетов без остановки, многое узнаешь о человеке, хотя сил на разговоры уже не хватает.

Флик – это, конечно, не настоящее имя. На ID-карте значится что-то витиеватое, на арабский манер. Но на сломе его второе имя Фалих быстро переименовали. Прозвище, которое на нидриге значило «муха», и – это вынужден был признать сам Флик – чрезвычайно ему шло: невысокий, чернявый, юркий, он умудрялся находиться в сотне мест разом и никогда не унывал.

Лука любил бывать дома у Флика, где собиралась большая, шумная семья и плыл дурманящий аромат горячего острого карри. Лука не сразу запомнил созвучные до нелепости имена старших сестер приятеля – темноглазых, застенчивых, с длинными черными косами, которые ни разу при нем и полслова не сказали, только перешептывались и прыскали. Из комнаты в комнату сновали бесчисленные родственники, соседи, чужая чумазая ребятня – кажется, никто во всем квартале и не думал запираť двери. Лука, который, сколько себя помнил, был сам по себе, потому что Йоана вечно пропадала в клинике, странным образом чувствовал здесь себя

как дома.

Во время обеденного перерыва к их бригаде подошел Шлак.

– Сегодня на демонтажной площадке произошел несчастный случай, – негромко, но отчетливо проговаривая каждое слово, сказал он. – Паренек из бригады подрывников – кажется, его звали Хьюго – сорвался с высоты и разбился. В очередной раз обращаю внимание на необходимость соблюдения правил безопасности. Проведите внеплановый инструктаж, – обратился он к старшему, Кирку, и обвел всех тяжелым взглядом. – А ты, парень, как там тебя?.. Снежинка?

Когда Шлак произнес издевательское прозвище, которым наградил его Хьюго из-за светлых, почти белых волос, Лука мучительно покраснел.

– Лука, господин Шлак.

– Что ж, запомню. В моей бригаде освободилось место подрывника. Ты можешь его занять.

– Спасибо, господин Шлак. Я доволен своим местом.

– Подумай до завтра. Дважды не предлагаю, – кивнув на прощанье, Шлак отошел.

– Ты голова-теряй? – зашипел, вцепившись в рукав Луки, ошарашенный Флик. – Это же шанс! Пак – сам-три, руки кровь-рви-нет, спина боль-гни-нет. Беда-забудь, иди-свисти.

– Флик, потом, – оборвал его Лука. – Жуй-молчи.

Приятель уткнулся носом в тарелку и засопел, но его оби-

да, как уже не раз убеждался Лука, редко длилась долго. Вот и сейчас он, привалившись к его плечу, зашептал с заговорщицким видом.

– Ты-ночь-как?

– Вообще я выспаться надеялся. В последние пару месяцев всякая ерунда снится, сил уже нет. А что?

– Слушай, дело есть. Ящики-таскай – десятка-держи. Брат-зови, обман-нет.

– Брат? – переспросил Лука. Он помнил, что при первом знакомстве Флик хвастливо сообщил, что он – единственный сын, которого бог даровал родителям после восьми глупых и бестолковых дочерей.

– Дальний брат, по крови матери.

Лука вспомнил, как пару дней назад, когда все расходились после смены, рядом с ними резко опустилось аэротакси, которое в этом районе увидишь нечасто. Стекло медленно опустилось. Хорошо одетый господин поманил Флика пухлым пальцем, на котором сверкал золотой перстень с крупным зеленым камнем. Тот подбежал и быстро забормотал что-то, склонившись в поклоне, как перед наследным принцем. Лука мысленно усмехнулся, глядя на этот спектакль, и поймал себя на том, что испытывает странную, необъяснимую неприязнь к богатому родственнику друга.

– Дело-тьфу. Два-час, много-три – и весел-гуляй, деньги-карман, – горячо убеждал Флик.

Лука нахмурился. Он частенько подрабатывал на разгруз-

ке барж в порту. Живые деньги, не талоны, да еще и целая десятка – щедрая плата за несколько часов работы. Но на сердце скребла неясная тревога.

– Деньги-хорош. Но я пас.

– Сам-голова, брат, – Флик старался сохранять невозмутимый вид, хотя Лука видел, что отказ друга его огорчил. – Сон-нет – приходи. Около Зелен-Конь, в два.

– Мир-я, – крикнул Лука, скидывая тяжелые запыленные ботинки. С большой кухни доносилось уютное шкворчание масла на раскаленной сковороде, а еще сытный дух оладий из картофельной муки.

– Сын, как дела? – спросила Йоана, окинув его быстрым и приметливым, особым – «медсестринским» – взглядом.

– Норм.

Лука налил в стакан воды и опустился на стул, чувствуя, как вся тяжесть дня, все груженные строительным мусором тачки разом навалились, придавили, погребли его под собой. Глаза слипались, а ведь он собирался еще прослушать лекцию и подготовиться к проверочной по гражданскому праву. В углу общественной кухни возилась со стиркой Моника, соседка по этажу. Трое ее погодок возились тут же. Йоана, пританцовывая под мурлыкающую музыку – как обычно, что-то из пыльного ретро, – подняла крышку жаровни, выпустив облако ароматного пара. Дети Моники подняли носы, как голодные волчата. Йоана весело им подмигнула.

– Клиника ночь-весь? Опять?

– Я не разговариваю на нидриге, дорогой. Так что будь любезен изъясняться, как все образованные и воспитанные люди, и не коверкать язык, на котором творил Гете.

Лука вздохнул. «Правильная» речь – «пунктик» Йоаны. Нидриг – живой, кипящий язык улиц. После войны народы перемешались: люди срывались с места, спасаясь от бомбежек, обстрелов, эпидемий и голода. Официальным языком в Гамбурге, как и сто лет назад, был немецкий. Но это, скорее, дань традиции: языки и наречия спеклись в плавильном котле в пылающий нидриг, в который каждый народ привнес свои словечки, звучные и краткие, легко ложащиеся на проговор. Фундаментом речи остался хохдойч, но усеченный до базовых слов, избавленный от галиматьи с временами, артиклями и падежами. Для Йоаны, кстати, немецкий вовсе не был родным языком, но она сокрушалась, когда маленький Лука приносил с улицы не только грязь на ботинках, но и мешанину из слов, надерганных из разных наречий. Но как было иначе? «Правильный» язык обитал в казенных учреждениях, банках и больницах, а нидриг раскатывался по улицам, гремел на судоверфи, стрекотал на рынках. Школьные упражнения по грамматике напоминали Луке бессмысленную, монотонную муштру прусских солдат армии Фридриха Вильгельма: вместо того, чтобы учиться рубить с плеча и стрелять в цель, разряженные в белые лосины и припудренные парики вояки тянули носки на построениях. Но сегодня парень слишком вымотался, чтобы препираться из-за

пустяков.

– Окей, ма.

Строго говоря, Йоана не была его матерью. Когда ему было лет семь, мальчишки на улице прицепились, отпуская ехидные шуточки по поводу цвета его волос, и, как обычно, закончилось все дракой. Накладывая холодную заживляющую мазь на расквашенный нос сына, Йоана устало спросила, почему он вечно враждует и сражается со всем миром.

– Я хотел бы быть похожим на тебя, ма. Чтобы у меня тоже были черные волосы и смуглая кожа. И твое огромное сердце. Но я другой... Выродок.

– Это мальчишки на улице так сказали?

Лука сердито дернул плечом и отвернулся. Йоана ласково провела рукой по белобрысым вихрам.

– Ты, и правда, другой. Наверное, пришло время рассказать. Ну, слушай. Однажды поздно вечером в клинику пришла женщина. Светловолосая, голубоглазая – совсем как ты. Она буквально валилась с ног от голода и усталости. Но не выпускала из рук свертка. Там был младенец. Она попала в плохую историю: ее преследовали люди, которые хотели отобрать у нее сына. Я пожалела ее и укрыла на какое-то время. Она мечтала выбраться из Ганзы, где ее жизнь была в постоянной опасности. Кто-то из Хеллтага взялся достать ей поддельную ID-карту, чтобы она смогла начать новую жизнь под новым именем где-то в другом месте. Но, видимо, что-то пошло не так. Однажды вечером она попросила присмотр-

реть за тобой. Ушла, да так и не вернулась.

– Что же с ней стало?

– Я не знаю, милый. Боялась расспросами навлечь беду, да и кто мог бы знать? Потом я устроилась в другую клинику, переселилась в эту квартирку, и все соседи решили, что ты мой сын. Так оно и есть. Так и останется.

Она накрыла мягкой ладонью его руку и большим пальцем провела по рисунку на тыльной стороне его правой ладони – круг и три сходящиеся линии. Как голова птицы с крупным клювом. Узор напоминал нанесенную хной роспись мехенди, которой украшали пальцы, запястья и ступни сестры Флика в дни больших праздников.

– Она говорила, что это оберег от зла и болезней, принятый в роду. Правда это или нет, но ты и вправду ни разу не болел, даже когда был совсем крошкой.

Лука обнял Йоану и вытер мокрые ресницы об ее мягкое плечо. Они никогда больше не возвращались к этому разговору, и он по-прежнему звал ее «ма». Но иногда во снах, будто пронизанных солнечным светом – ярким, слепящим – он безуспешно пытался поймать, ухватить что-то, ускользающее сквозь пальцы...

В музыку на радио врезался новостной выпуск. «Количество заболевших от нового штамма вируса Викимия превысило два миллиона шестьсот человек. Главный очаг распространения инфекции – восточное побережье Африки и страны Средней Азии... Правительство Ганзейского союза пред-

принимает экстраординарные меры... Курс ганзейской марки укрепился на вчерашних торгах».

Лука поморщился – все та же набившая оскомину белиберда. Стряхнув дремоту, он потянулся, чтобы убавить громкость приемника. Новостной выпуск завершала светская хроника. Ведущий рассказывал о вечеринке, которую закатила золотая молодежь, швырявшая деньгами налево и направо в то время, как тысячам его сверстников пришлось бросить школу ради заработка. Йоана вынуждена сутками дежурить в муниципальной больнице, куда со всех окрестных районов стекались, чтобы хоть как-то облегчить свою участь, больные и увечные, у которых не было денег на лекарства. После дневной смены она то и дело задерживалась на всю ночь – в приемном покое вечно не хватает рук. Лука уже не раз замечал, что в последнее время она неважно выглядит. Все так же широко улыбается и напевает под нос, но в походке, жестах появилось что-то незнакомое, настороженное. Как будто прислушивается к звукам, слышимым ей одной. Так капитан трансатлантического лайнера, зная, что через пробоину в корпусе в трюм медленно заливается черная арктическая вода, сохраняет невозмутимое спокойствие, чтобы не сеять напрасную панику среди обреченных пассажиров.

Наконец, Йоана напекла золотистую гору картофельных оладий и отложила немного рагу, чтобы поужинать вместе с Лукой в комнате, как у них было заведено.

– Моника, тут еще много осталось, накорми детей, – сказала она, отмахнувшись от рассыпавшейся в благодарностях соседки. – И, будь так добра, занеси старому Йоргенсу в пятнадцатую. Он вчера тяжело кашлял, как бы совсем не слег.

Лука подхватил с блюда несколько поджаристых оладий и посторонился, пропуская вперед Йоану. Она толкнула бедром хлипкую дверь одной из комнат в конце коридора, и та распахнулась, разом открыв убогую обстановку комнаты: выкрашенные краской стены, две узкие кровати, шаткий столик с кухонной утварью да несколько неровных стопок книг.

– Ты что смурной сегодня? Что-то случилось? – спросила Йоана, деловито раскладывая прямо на полу посреди комнаты полотняное клетчатое полотенце, которое обычно заменяло им скатерть.

– Нет, все отлично, ма. Просто устал, – улыбнулся Лука.

Однажды он сглупил, рассказав матери о парнишке, который на его глазах сорвался с пятьдесят восьмого.

С тех пор Йоана пребывала в неизбывном страхе, что на сломе ему каждую минуту грозит смертельная опасность. Сама она панически боялась высоты – к виду из окна квартирки, расположенной на пятом этаже, так и не привыкла. Браслет на ее руке тихо пиликнул. Йоана быстро пробежала глазами сообщение и нахмурилась.

– Плохие новости?

– Напоминание о просроченной оплате за квартиру. Я собиралась заплатить еще на прошлой неделе, но в клинике

опять задерживают выплаты, выдают только продуктовые талоны. Грозят выселением, если деньги не поступят на счет в ближайшие три дня. Попробую сегодня связаться с управляющим – может, все же уговорю дать отсрочку. Или, в крайнем случае, попрошу Ханну одолжить.

– А много нужно?

– Пятнадцать марок.

– Не надо просить у Ханны. Мы и так ей задолжали.

Привстав, Лука достал с верхней полки чуть помятую жестяную коробку. Когда-то в ней, по-видимому, хранилось рассыпчатое печенье, но было это так давно, что не осталось ни крошек, ни сдобного запаха. Да и рисунок на крышке – белобородый румяный старик в комичных круглых очках – выцвел и покрылся ржавыми пятнами. В детстве Лука хранил в коробке разные сокровища, которые находил во время вылазок: пеструю, похожую на чаячье яйцо морскую гальку с отверстием посередине, диковинное длинное перо с темно-синими крапинами, покалеченных в боях солдатиков... Теперь он держал там деньги, которые откладывал на учебу в колледже. Все, что удавалось заработать. Он быстро отсчитал несколько мятых купюр и монет и протянул Йоане. Но она мягко отвела его руку и покачала головой.

– Нет, милый, только не из копилки. Я смирилась с тем, что мой сын горбатится от зари до зари, только потому, что это поможет накопить на учебу в колледже. Я ни монеты не возьму.

Лука со вздохом убрал жестянку обратно. Рядом с ней на полке стояла запылившаяся бутылка с изящной моделью парусника и словарь заковыристых морских терминов с истрепанным корешком. Крошечную копию английского двухмачтового брига в детстве Лука рассматривал каждую ночь, пока не начинали слипаться глаза. Иногда во сне он оказывался на его палубе и бороздил воды тропических морей: когда багряное солнце почти опускалось за горизонт, из водной глади выпрыгивали быстрые стаи крылатых рыб, и их чешуя в закатных лучах отливала расплавленным золотом.

— Ма, я же как раз собирался рассказать: наша бригада в этом месяце план перевыполнила и всем премию обещали выдать завтра — по десять марок на нос, представляешь?

— Это было бы настоящим спасением. Но ты, наверное, планировал потратить деньги как-то иначе?

Лука небрежно пожал плечами. Йоана отвела прядь волос с его лба и грустно улыбнулась.

— Ты стал совсем взрослый, сын. Как же я просмотрела?

Когда она ушла, Лука завел будильник на половину второго и, едва закрыв глаза, провалился в тяжелое забытие без тревожных, путанных сновидений — впервые за последние несколько месяцев.

Старая ратушная площадь, слабо освещенная желтыми огоньками уличных фонарей, напоминала декорации к спектаклю: вытянутые в струнку кирпичные здания с узкими окнами, выщербленная брусчатка, желтые кляксы фонарей

в черном небе. А в центре – покрытая зелеными разводами конная статуя. Поджидая Флика, который, как всегда, опаздывал, Лука со скуки вчитался в табличку на гранитном постаменте, украшенном барельефами. Выгравированные буквы почти стерлись от времени, но еще можно было разобрать, что тучный господин со шляпой, напоминающей нелепый жестяной вантуз на голове, – не кто иной, как славный император Вильгельм I, сплотивший немецкие земли.

Спустя пару минут после того, как часы на башне пробили дважды, на площадь влетел запыхавшийся Флик в компании каких-то мальчишек. Увидев приятеля, он просиял. «Мусад, Заки, Басим. А это – Лука», – скороговоркой перечислил он имена приятелей. Лука коротко кивнул. Ребята тихо переговаривались, Эфор автоматически переключился в режим живого перевода, но ему удавалось выхватить из сумбурного потока речи лишь отдельные бессвязные слова. Лука нахмурился – выходило, что он подслушивает то, что не предназначалось для его ушей. Он приглушил динамик и поднял ворот куртки повыше – с севера задул пронизывающий сырой ветер.

В том, что разгрузка склада была намечена на глубокую ночь, на первый взгляд не было ничего необычного: торговые баржи отправлялись в рейсы с восходом солнца, и в предрассветные часы в порту всегда царила суматоха. Но стоило Луке вспомнить масляные глазки Ибрагима, внезапно обретенного родственника Флика, как в серд-

це зашевелилась смутная тревога. Он устало провел ладонью по лицу: просто не выспался толком после тяжелой смены, вот и лезут в голову разные глупости.

В четверть третьего на площадь въехал облезлый минивэн, покрытый плотным слоем грязи. Мальчишки, пригнув голову, влезли в обшарпанный салон. Водитель удостоверился, что все перевели айдибрасы², обеспечивающие связь с Эфором, в спящий режим без геолокации (на экранчике тут же включился обратный отсчет разрешенного времени), и колымага покатила, тарахтя и выбрасывая клубы сизого дыма.

Ибрагим уже ждал их у одного из огромных амбаров в Шпайхере. Увидев драндулет, он отбросил в сторону недокуренную сигарету и что-то сказал вооруженным громилам, которые ждали у дверей склада. Один из амбалов рывком поднял на ноги подростка, чье лицо, как и у остальных, было закрыто черной балаклавой.

Лука огляделся. Огни города остались где-то далеко. Затхлая вода канала воняла водорослями и тухлыми яйцами. На маслянисто отсвечивающей глади покачивалась ржавая посуда, накрытая замызганным брезентовым тентом, в котором зияли прорехи с обгорелыми краями. «От выстрелов?», – подумал Лука.

– Мир-я, Ибрагим, – почтительно произнес Флик, но осекся, наткнувшись на холодный взгляд родственника.

² Айдибрас – браслет для связи с Эфором.

Как видно, внезапно объявившийся «дядюшка» собирается разгрузить не свой склад, – догадался Лука.

«Интересно, как он намеревается открыть биометрический замок? – размышлял он. – Ворота крепкие, петли утоплены. Разве что снести взрывчаткой?.. Но полицейский дрон сразу засечет и передаст сигнал в дежурную часть...» Как ни странно, страха и тревоги не было – наоборот, когда смутные подозрения подтвердились, Лукой овладела холодная собранность.

По знаку Ибрагима один из громил ухватил прихрамывающего подростка в балаклаве за плечо и толкнул к закрытым дверям склада. Тот повозился немного, замок тихо пиликнул, и створка сдвинулась в сторону, приоткрыв темный проход.

Сигнализация на складе была старая – видимо, хозяин не слишком беспокоился о сохранности имущества. Так что Ибрагим легко перекусил провода клещами... Лучи фонариков выхватили высоченные ряды паллет, и Флик невольно присвистнул.

– Джекпот, парни, – осклабился Ибрагим.

Мальчишки и пара амбалов выстроились в цепочку, чтобы перебрасывать коробки, которые оказались не слишком тяжелыми. Ибрагим вальяжно развалился на одном из тюков и закурил.

Спустя час просевший под весом груза катер отчалил, и перед следующим рейсом Ибрагим разрешил устроить ма-

ленькую передышку. Лука и Флик, как и другие мальчишки, уселись прямо на затоптанном полу посреди разоренных рядов паллет.

– Эй, Флик, – прошептал Лука. – Смотри.

Он направил луч фонарика на маленькую черную эмблему, отпечатанную на одной из коробок.

– Это же...

– Ш-ш-ш!

Даже последнему бродяге в Гамбурге хватило бы беглого взгляда, чтобы распознать фамильную печать семьи Вагнеров. Этот знак чернел едва ли не на каждой вывеске в городе: на дверях магазинов, аптек, банков, похоронных бюро, на бортах аэротакси и полицейских патрульных машин. Конечно, в Гамбурге был магистрат и бургомистр, но, скорее, для видимости: своеобразная дань традициям, как и королевская семья в Британии. А реальная власть была в руках Вагнеров. Страшно представить, что за наказание грозит умалишенному, который осмелился взломать и ограбить склад, отмеченный знаком клана.

Лука огляделся: один из амбалов, притулившийся у груды ящиков, прикрыл глаза, хотя по-прежнему сжимал в руках автомат. Другой тихо переговаривался о чем-то с Ибрагимом. Еще один караулил у причала. До темного прямоугольника дверного проема, где виднелся кусочек звездного неба, было всего с десятков шагов.

– Сматываемся, – быстро шепнул он, не глядя на Флика. –

Прямо сейчас. Другого шанса не будет.

– А деньги?

– Забудь. Даже если полиция не заметет, эти макаки с автоматами уложат нас, как только мы перетаскаем все ящики. Для тех, кто решился вычистить склад Вагнеров, правила не писаны. Зуб даю, что на рассвете мы станем кормом для рыб!

Снаружи послышались вой полицейских сирен и обрывистые крики. Затрещали выстрелы. Лука выключил фонарь и, схватив Флика за руку, бросился в дальний, погруженный в крошечную тьму угол склада.

Некоторые старые склады в Шпайхере были размером с целый квартал. Лука с Фликом петляли в узком лабиринте между коробками и тюками, как мыши в амбарных застенках. Звуки перестрелки, исход которой был предрешиен, быстро стихли. Лука задержал дыхание. Ему казалось, что гулкие удары сердца разносятся под сводами, как удары отбойного молота. В темноте блеснули белки глаз. Лука увидел паренька, который взломал замок. На его голове по-прежнему была черная балаклава. Заметив, как он зажимает рукой рану на бедре, Лука почувствовал медный привкус во рту и инстинктивно отпрянул. Черт, этот недоумок наверняка оставил кровавый след! И, похоже, уже плыл, теряя сознание.

– Туда. Там выход, – прошептал он.

Проклиная все на свете, Лука закинул руку раненого

на плечо и поволок его вглубь склада, пока не уперся в глухую стену. Кирпичная кладка. Никаких шансов на спасение. Парнишка-взломщик отключился. Лука проклинал себя за то, что на какой-то краткий миг и вправду поверил, что тот знает, как выбраться со склада.

– Что дальше? – отчаянным шепотом спросил Флик.

Лука знал: полицейские еще до рассвета методично обследуют каждый закоулок, каждый метр. С минуты на минуту их обнаружат и схватят. О том, что будет дальше, Лука старался не думать. В бессильной ярости он сжал зубы и ударил кулаком о стену. Раздался глухой, приглушенный отзвук, как если бы за стеной была пустая ниша. Лука вскочил на ноги и стал лихорадочно обшаривать кирпичную кладку, но безуспешно: ни выступа, ни даже крошечной щели. Внезапно правую руку обожгло, словно он ненароком схватился за оголенный провод. Лука отдернул онемевшую ладонь. Большой кусок стены плавно сдвинулся, приоткрыв темный проход. Запахло стылым, промозглым воздухом подземелья. Лука подхватил обмякшего взломщика и втащил его в лаз. Флик нырнул следом. Кирпичная кладка бесшумно встала на прежнее место.

Оказавшись по ту сторону, Лука включил фонарик и огляделся. Темный сводчатый потолок почти касался его головы. Вниз уходила крутая лестница с кривыми, – ступенями. Рассудив, что глупо торчать на месте, Лука решил разведать обстановку. Чем черт не шутит: возможно, удастся отыскать

ход, который ведет на поверхность. А нет – отсижаться тут, пока полицейские не снимут оцепление.

Дав приятелю знак идти следом, он начал спускаться, обшаривая лучом фонарика своды подземелья. Иногда тоннель расходился надва рукава. Заметив встречающиеся время от времени в кирпичной кладке серые камни, Лука решил держаться этого пути.

Его чувства обострились до предела. Он слышал, как сочится сквозь камни темная стылая вода, собираясь в тяжелые сонные капли. Как пробирается под сводами затаенное, как вздох умирающего, дуновение воздуха, пропитанного затхлой сыростью.

Спустя некоторое время Лука опустился на колени, чтобы уложить раненого на пол и перевести дух. Сквозь сомкнутые веки парнишки виднелись закатившиеся белки глаз, но Лука слышал его дыхание – сиплое, прерывистое.

– Жив?

– Вроде дышит.

– Слушай: брось-он. Сам-беда – сам-прыгай-вон!

– Так нельзя.

– Почему? – насупился Флик.

У Луки не было внятного ответа. Конечно, Флик прав. Этот парнишка – чужой, никто. Он и так вытянул его из полицейской облавы, а дальше – не его забота, каждый сам за себя. Но что-то удерживало его, не давало уйти. Зажав в зубах фонарик, Лука стянул с головы взломщика грязную

балаклаву. И все вокруг застыло, провалилось в безмолвие. Тьма сгустилась, подступила со всех сторон, и только лицо парнишки отливало небывалой, неживой белизной. Тонкие черты, почти бескровные губы плотно сжаты, под глазами – синие тени.

Обычные зеркала, как известно, показывают перевернутое отражение предметов. Инверсию. Поэтому слова кажутся написанными задом наперед. Но, слышал Лука, есть особые зеркала, которые показывают предметы такими, каковы они на самом деле. И, заглянув в такое зеркало, человек впервые в жизни видит свое лицо таким, каким видят его все остальные. И от этого голова идет кругом. Когда круг мертвенного света выхватил из темноты истощенное лицо, Лука едва справился с внезапным приступом дурноты. Он увидел самого себя. Свое лицо. Это совпадение было настолько точным, что казалось дурным сном, вопиющим нарушением законов природы.

Лука услышал за спиной тихие шаги Флика, и это вывело его из оцепенения: он быстро отвел луч фонарика в сторону, точно его застали за чем-то постыдным.

Лихорадочно пытаясь собраться с мыслями, Лука осторожно взял парнишку за руку – безвольную, прохладную, почти невесомую, на которой поблескивал широкий магнитный браслет. Скрюченные, сбитые в кровь пальцы с обломанными ногтями. По тыльной стороне ладони вилась татуировка – причудливые переплетения линий, фигур и точек.

В тусклом свете фонарика казалось, что линии извиваются, точно змеи, облизывая руку, как жадное пламя костра, Лука коснулся сплетения линий и тут же повалился – подкошенный ослепляющей вспышкой боли.

– Эй, брат, ты как? – испуганно тормозил его Флик.

– Порядок, – машинально пробормотал Лука, хотя перед глазамиплыли черные и красные круги, а все тело ныло, как после первой смены на сломе. – Уходим.

– Давно бы так, – Флик избегал смотреть на неподвижное тело, опасаясь, что тот вот-вот очнется и поразит его молнией, как древнегреческий бог.

Лука, прихрамывая, побрел следом. Парнишка издал едва слышный стон, но Лука не обернулся.

Тоннель вывел их в темный проулок Хеллтага – квартала на левом берегу реки, где теснились муниципальные дома, а из распахнутых дверей забегаловок доносились ругань и шум потасовок, которые нередко заканчивались беспорядочной пальбой. Здесь обитали мелкие воришки, хакеры, наемные убийцы, шулеры всех мастей, контрабандисты и костоправы, промышляющие торговлей биозапчастями. Камеры и передающие антенны Эфора здесь были разбиты и варварски искорежены, и магистрат уже не тратился на замену.

Прежде Лука бывал здесь всего пару раз и уж, конечно, не под покровом ночи. Как-то раз Лука по поручению Йоханы битый час разыскивал здесь Кривую Несси: один из ее сыновей Громила Вилли угодил в крутой замес и, хотя вра-

чи клиники постарались заштопать раны, рисковал отправиться к праотцам еще до захода солнца. Йоана написала адрес, но геолокатор бестолково моргал: замызганные, провонявшие тухлой рыбой проулки Хеллтага извивались и петляли, словно строились лишь для того, чтобы было сподручно уходить от погони и подкарауливать припозднившихся ротозеев. Нумерация домов не поддавалась никакой логике. В тот раз он разыскал Несси лишь благодаря чистой случайности, когда зашел в один из грязных баров без вывески, чтобы попросить стакан воды.

В предрассветный час квартал стих и замер, точно провалившись в дурной похмельный сон. Ставни на окнах были крепко заперты, на улицах – ни души. Только облезлые бродячие коты шастали в придорожных канавах среди куч отбросов и зловонных луж. Парни пробирались по слабо освещенным улицам квартала, совершенно не представляя, что ждет за следующим поворотом. Время от времени Флик с тревогой бросал взгляд то на айдибрас, который выстраивал наиболее короткий и безопасный маршрут, постоянно сбиваясь и подвисяя от самодельных глушилок, развешенных на каждом столбе, то смотрел на быстро светлеющее небо, похожее на грязную воду после стирки, с опавшими серыми хлопьями мыльной пены.

– Скорее! Сам-знай: смена-опоздай – мимо иди, деньги-забудь!

Лука нахмурился и ускорил шаг. Таблички на дверях

были размером с ладонь и призывно нашептывали: «Руфь. Сны по заказу», «Доктор Кто-с. Безболезненный уход», «Капли для волшебных сновидений», «ID-карта. Быстро. Без лишних вопросов». На углу обшарпанного здания болталась неоновая вывеска. Буквы вкривь и вкось, конструкция барахлила и потрескивала: «Отель Эльдorado. Койка и завтрак».

Лука остановился: он узнал это место. Сейчас – в проулок, через три квартала – направо, и они выйдут к Мостуутопленников, а там уж до слома – рукой подать. Он резко выдохнул, точно набираясь решимости перед тем, как прыгнуть в реку с обрыва.

– Слушай, дальше иди один. Я возвращаюсь.

– С ума сошел?

– Я айдибрас потерял.

– Да как так?! – глаза у Флика округлились.

Даже ребенок знает: без идентификационного браслета ты, считай, никто, нелегал. Не успеешь и десятка шагов сделать, как патрульный дрон засечет, выстрелит парализующим дротиком и вызовет летучий отряд.

– Сам-знай-нет. Может, слетел там, когда тyani-тащи тот придурок?

– Или на складе, – прошептал Флик, меняясь в лице.

– Нет, вряд ли. Там еще был.

Айдибрас на запястье Флика тихо пиликнул.

– Мать-волнуйся, где я, – нахмурился он. – Ну, выбор-нет,

пошли назад.

– Нет. Я один. Ты беги, я догоню.

– Уверен? – во взгляде друга читалась тревога.

– Да. Я быстро, там-здесь!

Флик кивнул и шустрым воробьем нырнул в проулок. Лука проводил его тоскливым взглядом и развернулся. Пройдя пару кварталов, он заметил лениво покачивающийся над крышами дежурный дрон, достал из кармана айдибрас и убедился, что тот по-прежнему переведен в спящий режим. До истечения максимально разрешенного времени отсоединения от Эфора оставалось меньше часа. По пути Лука купил у лоточника пару лепешек и бутылку воды, всем сердцем надеясь, что застанет живым взломщика замков. Хотя и выглядел он доходягой, Лука на сломе уже не раз убеждался: жилистые кузнечики подчас оказывались выносливее, чем здоровяки с бычьей шеей.

Лука мечтал о брате все детство. Когда Йоана, покачивая головой, с улыбкой говорила про соседских детей, которые высыпали на улицу гурьбой: «И как ты их только различаешь? Ведь все на одно лицо, как близнецы», сердце Луки поднывало. Ему так хотелось тоже быть связанным с кем-то узами родства, чтобы чужие люди при встрече отмечали фамильное сходство. Впрочем, все это давно осталось в прошлом. Он привык быть один, сам по себе. Хотя он и дорожил дружбой с Фликом, все же это – другое. А теперь Лука знал, что навсегда связан с тем пареньком в подземелье –

так крепко, как будто их заковали в наручники.

Убедившись, что его никто не видит, Лука юркнул в подземный лаз. Парень лежал там же, где он его оставил.

– Эй! Ты как, жив? – спросил он, подобравшись к нему.

Тот не откликнулся. Лука коснулся покрытого холодной испариной лба, а потом потянулся к шее, чтобы проверить пульс на сонной артерии. По кончикам пальцев побежали слабые электрические искры. Левое веко на лице парня дернулось. Лука инстинктивно отдернул руку.

– Ты это... Держись, брат. Слышишь?

От густого, застоявшегося запаха крови Луку замутило. Сдерживая рвотные позывы, он стянул штормовку, уложил парня и волоком потащил к тайному лазу.

Приподняв крышку люка, он огляделся: закоулок был пуст. Отдышавшись, Лука подключился к Эфору и попытался вызвать неотложку, но айдибрас – обычное дело! – показывал, что все машины на вызовах, и время ожидания может растянуться до трех с половиной часов.

«Уровень адреналина в крови повышен, чтобы справиться со стрессом, рекомендуем провести серию успокаивающих дыхательных упражнений», – с дежурной заботливостью произнес металлический голос в голове.

До смены на сломе оставалось около полутора часов – если поторопиться, есть шанс успеть проскочить в последних рядах, под осуждающим взглядом Шлака. Но тогда парня придется бросить прямо здесь, положившись на то, что он

родился под счастливой звездой и его заметят сердобольные прохожие.

Но что-то подсказывало Луке, что паренек рискует не дотянуть до утра. Чертыхнувшись, он подхватил его под руки и взвалил на плечо. Несмотря на удобу, тот оказался довольно тяжелым – почему-то когда он тащил его в подземелье, то не заметил этого. Ничего, до клиники, где работает Йоана, всего с десяток кварталов.

Когда Лука перешагнул порог клиники, в глазах от напряжения и усталости плыли красные круги, а ноги предательски подкашивались. К счастью, Йоана была тут – она как раз закончила ночную смену и заносила в базу последние данные о поступивших пациентах. Увидев пошатывающегося Луку, который нес на плече бесчувственное тело, она нажала кнопку на пульте и вызвала дежурных санитаров. Когда ее взгляд упал на лицо раненого, она на миг остолбенела.

– Так... ты все мне расскажешь. Но не сейчас.

Парнишку уложили на каталку и увезли. Лука поймал себя на мысли, что никогда прежде не видел Йоану такой – строгой, предельно сосредоточенной, раздающей четкие распоряжения.

Ханна, медсестра клиники, проводила Луку в ординаторскую. Оставшись один, он со стоном повалился на прохладную колченогую кушетку. Смысла спешить на слом уже не было: он безбожно опоздал на смену, так что на его место наверняка уже взяли кого-то из оборванцев, что вечно толк-

лись неподалеку в надежде на случайную подработку. Что ж, он сам виноват. Так что вместо того, чтобы запоздало сожалеть о глупом геройстве, стоит поспать хотя бы часок-другой. Где-то на границе яви и сна ему послышался далекий вой сирен и шум лопастей вертолета, но сил открыть глаза уже не было.

– Эй! Просыпайся! Да скорее же!

Одного взгляда на встревоженное лицо Ханны хватило, чтобы обрывки сна улетучились без следа. Ухватив его за руку, медсестра потащила Луку по больничному коридору, залитому безжизненным светом.

– Я сразу знала, что все это закончится плохо. Я предупреждала.

– Да что случилось-то?

Ханна сбивчиво рассказала, что Йоана внесла данные генетического анализа бродяги, которого он притащил, в базу. Не прошло и получаса, как больницу взяли в осаду полицейские машины, заблокировав все улицы в округе.

– В небе кружат вертолеты. Сирены воют. Я чуть с ума не сошла от страха. Наверняка он опасный преступник. Сбежал из тюрьмы. Из-за твоей несусветной глупости все мы подверглись огромному риску!

– Не говори ерунды, Ханна. Не мог же я просто бросить его там умирать?!

– Так или иначе вам, молодой человек, предстоит серьезный разговор с начальником полиции.

Остановившись перед кабинетом главного врача клиники, Ханна нервно одернула униформу и постучала. Из-за двери раздалось неразборчивое ругательство и надсадный кашель заядлого курильщика. Медсестра приоткрыла дверь и толкнула Луку в проем.

В кабинете царил полумрак. В пятне рассеянного света от лампы в зеленом абажуре, стоявшей на массивном столе, Лука увидел крепко сложенного человека лет пятидесяти: совершенно лысого, но с кустистыми бровями, который вальяжно развалился в кожаном кресле. Вероятно, в молодости он имел грозный вид, но годы жизни в довольстве размягчили узлы мускулов, превратив их в сгустки жира. Смирив Луку цепким колючим взглядом, начальник полиции жестом указал ему подойти ближе. А сам неспешно вынул из внутреннего кармана футляр из красного дерева, достал толстую сигару и с наслаждением вдохнул ее аромат.

– Давно ждал повода раскурить ее. Два чертовых месяца. Мои ищейки сбились с ног, обшаривая каждый грязный закоулок, каждый зловонный подвал, каждый склад в доках. А ты, значит, разыскал его? Как же так вышло? – спросил он, неспешно раскуривая сигару.

Лука почувствовал, как желудок сжали стальные тиски. «Если бы он собирался упечь меня за решетку, то не церемонился бы – надел наручники и доставил на допрос в главное отделение, вот и все дела. А раз так, есть шанс выкрутиться», – лихорадочно соображал он.

– Я вообще не при делах, господин полицмейстер, – пробубнил он, понурившись. – Сдуру попал в переделку в Хеллтаге. Ну, повздорили чуток с местными ребятами, пришлось уносить ноги. Завернул в какой-то проулок, чтобы отдышаться... Услышал стон – и вот... Что ж мне оставалось? Даже если он беглый преступник...

– Преступник? – переспросил полицмейстер, прищулив левый глаз от струйки дыма.

Лука чертыхнулся про себя и судорожно сглотнул. «Включи голову, парень!»

– Ну, я не в курсе, кто этот чудик. Я-то его и знать не знаю. Просто подумал: с чего бы вдруг у ворот клиники собралась вся полиция города?

Усмехнувшись, начальник полиции забарабанил по столу короткими толстыми пальцами с отполированными ногтями. Дверь тихо скрипнула. Бросив недовольный взгляд на вошедшего, начальник тут же сменил выражение лица. Просияв подобострастной улыбкой, он бросился к высокому худому господину в сером костюме, с гладко зачесанными назад седыми волосами, чье лицо показалось Луке странно знакомым. В правой руке, затянутой в кожаную перчатку, незнакомец сжимал серебряный набалдашник трости.

– Итак, он здесь?

– Да, я распорядился оцепить квартал и приставить лучших бойцов к охране здания.

– Выражаю вам признательность от имени семьи.

Сияя, как начищенная бляха, полицеймейстер слегка склонил голову, угодливо потирая потные руки.

– С вашего позволения, я должен лично проконтролировать ход операции.

– Разумеется. Благодарю вас.

Как только квадратная спина полицеймейстера скрылась за дверью, высокий господин в сером издал сдавленный стон и, покачнувшись, прислонился к стене. Лука, который все также стоял столбом, неловко переминаясь с ноги на ногу, тихо кашлянул. Незнакомец распрямился, как сжатая пружина.

– Что?... – он слегка прищурился, вглядываясь в его лицо в полумраке кабинета. – Как ты здесь оказался?

– Господин полицеймейстер вызвал меня, чтобы я рассказал, как наткнулся на... Ну, на того парня.

– Так это ты его отыскал?.. Как твое имя?

– Лука Стойчев. И я – не какой-то там охотник за головами. Я просто увидел, что парню не дотянуть до утра, ну и приволок его сюда.

В сумраке бледное лицо незнакомца казалось смутным пятном, парящим в воздухе отдельно от тела.

– Ясно. Рассказывай, как все было.

Лука тяжело вздохнул.

– Как я уже сообщил господину полицеймейстеру только что, я просто оказался в неудачное время в неудачном месте. В Хеллтаге не слишком приветливы к чужакам, знаете ли.

Я удирал от тамошних ребят и случайно наткнулся в проулке на этого парня.

– Он говорил что-то?

– Да вроде нет, – Лука задумался. – Иногда бормотал что-то в бреду, но я не особо вслушивался.

Господин в сером, нахмурившись, медленно стянул перчатку с левой руки.

– Ты прикасался к нему?

– Что? Прикасался ли я? Ну понятное дело, прикасался! Мне так-то пришлось тащить его, как мешок с мукой, через полгорода! Возможно, следовало вызвать аэротакси, но, к сожалению, в кармане не завалялось лишних пяти марок, – вспыхнул Лука.

– И ты не заметил... ничего необычного?

– Если отбросить, что этого парня подстрелили как голубя, то ничего. Ровным счетом.

Незнакомец поднял глаза на Луку.

– За любую информацию о том, где находится этот юноша, было объявлено щедрое вознаграждение...

Лука отпрянул. Его лицо пылало.

– Спасибо, конечно, но я же не из-за денег. Просто... не мог же я бросить его там помирать, в самом-то деле!

Господин в сером холодно улыбнулся.

– Что ж, тогда возьми хотя бы мою карточку. Жизнь полна неожиданных поворотов.

Когда Лука машинально протянул руку, чтобы взять кар-

ту, и ненароком коснулся незнакомца, его сознание пронзила яркая, оглушающая вспышка. Он отдернул руку, как будто схватился за оголенный провод.

– Что... что, черт возьми, это было?

Незнакомец пожал плечами.

– Обычное статическое электричество. Разумеется, необходимо тщательно расследовать обстоятельства этого дела. Придется известить твоих родителей, что ты будешь отсутствовать несколько дней. Свяжись с матерью, я переговорю.

Лука почувствовал, как ноги стали ватными, а тревога, которая было отступила, вновь сжала горло.

– Ну, вообще-то она здесь, в клинике.

– Она нездорова?

– Нет, работает здесь. Медсестрой, – буркнул Лука. Запираться все равно было бессмысленно: когда в полиции за него возьмутся всерьез, первым делом просветят все родственные связи и социальные контакты.

– Что ж, в таком случае придется разыскать ее.

Господин в сером стремительно вышел. Лука перевернул вощеную карточку из плотной бумаги. Ни адреса, ни телефона. Только имя, выдавленное серебряной вязью. Вольфганг Вагнер. Не может быть! «Ну и угодзило же тебя вляпаться, парень», – обреченно подумал Лука.

Когда-то давно у Луки на курсе мировой истории в школе лектор рассказывал о городах Древней Греции: у каждого из них был покровитель из склочной семейки олим-

пийских богов, в честь которого строились храмы, возносились моления и приносились в жертву кувшины вина, кучерявых барашков и горы фруктов. Вагнеры были небожителями для жителей Гамбурга и доброго десятка городов Ганзы, зависевших от покровительства этой влиятельной семьи.

Когда после нескольких волн эпидемий и затянувшегося кризиса старая Германия с треском распалась на города и земли, корпорация Вагнеров уже пустила корни во все сферы бизнеса и легко перехватила в свои руки обязанности, возложенные на правительство: выпускала собственную валюту, издавала законы, строила больницы, прокладывала дороги, содержала полицию и охраняла границы территории. Разумеется, вовсе не из гуманистических соображений. Бизнес – превыше всего. И семейный капитал прирастал с каждым днем.

Что же могло привести советника мессера в захудалую муниципальную клинику Гамбурга посреди ночи?

Ясно было одно: Луке это знакомство ничего хорошего не сулило. Главное сейчас – хотя бы выгородить мать, втянутую в эту муторную историю по его вине: с точки зрения закона, она оказала медицинскую помощь преступнику, вскрывшему замок на складе с семейной печатью Вагнеров. Плохо соображая из-за шума в голове, Лука поплелся следом за высоким господином в застегнутом наглухо костюме.

Лука нагнал Вагнера уже у сестринского поста, где тот

с подчеркнутой почтительностью беседовал с Йоаной. Ханна с застывшим взглядом стояла чуть поодаль, даже не пытаясь вставить слово, что было совсем не в ее привычке, и только теребила пуговицу на сестринской униформе.

– Что ж, еще раз благодарю вас за содействие. И рассчитываю, что информация об этом... м-м-м... инциденте не выйдет за эти стены. Насколько я могу судить, клиника испытывает... некоторые финансовые трудности. От лица семьи позвольте сделать небольшое пожертвование.

Не снимая перчаток, Вагнер вынул из внутреннего кармана узкий блокнот, сделал несколько быстрых росчерков, оторвал лист и положил его на стойку.

– Предъявите это в любом банке Гамбурга, и деньги будут немедленно зачислены на счет.

– Господин Вагнер... – начала было Йоана, но тот жестом прервал ее.

– Не стоит благодарности. К сожалению, я вынужден спешить.

– Да-да, конечно, – пробормотала Йоана.

– И да, ваш сын поедет со мной.

– Что? – Йоана прижала руки к груди, словно ей перестало хватать воздуха. – Но, господин Вагнер... Он же ни в чем не виноват.

– Разумеется. Просто необходимо еще раз уточнить... м-м-м... некоторые детали произошедшего. Уверяю вас, ему ничего не угрожает.

Йоана кусала губы, глядя в сторону, не слыша заверений Вагнера.

– Господин Вагнер, мой сын совершенно непричастен, уверяю вас. Он ни в чем не виноват.

– Повторяю: вам совершенно не о чем беспокоиться. Это простая формальность.

Слезы, которые Йоана, сдерживала, брызнули из глаз. Она попыталась схватить Вагнера за рукав, но он отпрянул.

– Я жду снаружи, – холодно бросил он.

Йоана, наконец, заметила сына и порывисто обняла Луку.

– Я не пущу тебя, – прошептала она. – Не пущу.

– Все будет хорошо, ма, – натянуто улыбнулся он, отстраняясь. – Он же сказал: это просто формальность. День-два – и я буду дома, вот увидишь.

– Нет, нет...

– Ма, если Вольфганг Вагнер желает, чтобы я прокатился и в сотый раз рассказал о том, как я нашел этого парня, что в этом страшного?

– Не знаю. Но я ему не верю.

– Пойми же, выбора просто нет, – тихо, но решительно сказал Лука. – Или я сяду в его колымагу сам, или на меня наденут наручники и затолкают силой. Не переживай, я как-нибудь выкручусь. Все будет хорошо. Обещаю.

Он буквально силой разжал объятья рыдающей Йоаны, взглядом перепоручил ее заботам Ханны и поспешил следом за Вагнером. Снаружи моросил дождь. Патрульные полицей-

ские машины по-прежнему держали здание в плотном кольце. Дверь роскошного аэромобиля захлопнулась с мягким щелчком, отгородив пассажиров от шума внешнего мира.

Лука примостился на краю сиденья, стараясь не оставить грязных пятен на светло-бежевой обивке салона. Заметив, как вокруг стоптанных ботинок с засохшими комьями грязи растекается лужица, он мысленно чертыхнулся и отвернулся к окну. Нарочитая бравада, которой он пытался развеять страхи и тревоги матери, исчезла с его лица без следа. Сердце глухо стучало в висках, к горлу подступала тошнота. В голове бестолково метался рой мыслей.

«Кто же, черт возьми, этот парень, ради которого в Гамбург прилетел сам Вольфганг Вагнер? Вряд ли дело только в ограблении склада – разве стал бы советник мессера заниматься подобной ерундой? А что, если там хранилось что-то невероятно ценное? Тогда это не оставили бы без надежной охраны. А вдруг там было что-то... что-то запретное? Знает ли Вагнер, что Лука был там? А если его будут вынуждать назвать имена сообщников? Как долго он сможет молчать, если его будут допрашивать с пристрастием?..»

Аэромобиль легко и бесшумно поднялся в воздух. Сквозь затененные стекла показался лабиринт улиц и вскоре скрылся за плотной пеленой облаков.

Украдкой бросив взгляд на Вагнера, который застыл, как каменное изваяние, и, кажется, совершенно забыл о его существовании, Лука с удивлением отметил, что тот вовсе

не стар – скорее, ближе к сорока. Гладко зачесанные волосы были белесого, как у альбиноса, оттенка. Неудивительно, что в сумраке врачебного кабинета он принял это за седину.

Представив, как вытянулось бы от изумления лицо Флика, узнай он, что его приятель прокатился под облаками в компании самого Вольфганга Вагнера, хоста и правой руки Герхарда Вагнера, который безраздельно владел не только Гамбургом и окрестностями, но и половиной Ганзы, Лука горько усмехнулся.

– Через пятнадцать минут приземляемся, господин Вагнер.

Услышав измененный динамиком голос пилота, Лука вздрогнул. Похоже, он все-таки задремал и сейчас даже близко не представлял, как долго и, главное, в каком направлении они летели.

– Эту панораму стоит увидеть своими глазами хотя бы раз в жизни.

Вагнер нажал кнопку на подлокотнике, и затемненные стекла аэромобиля прояснились. Внизу раскинулся городок – маленький, не чета Гамбургу, но аккуратный и нарядный, как на рекламном постере. Приглядевшись, Лука заметил марево, которое переливалось разноцветными разводами, как пленка бензина в дождевой луже. Когда аэромобиль проходил сквозь невидимую преграду, от кончиков пальцев по телу, приподнимая волоски на коже, пробежали сотни мелких иголок.

– Что это за город?

– Бремен.

Город, где находится главная резиденция Вагнеров. Дело, похоже, действительно принимало нешуточный оборот.

Лука почувствовал, как желудок сжался в ледяной комок. Что, если тот доходяга все-таки пришел в сознание и проболтался, что его подстрелили во время ограбления торгового склада, отмеченного печатью семьи? И что никто иной, как Лука, был пособником банды?... Лука не чувствовал за собой вины, он никогда бы сознательно не пошел на грязное дело, но вряд ли в полиции будут вникать в его моральные принципы.

Аэромобиль плавно приземлился на идеально подстриженной лужайке. Лука легко спрыгнул и огляделся. Вокруг был ухоженный парк. Сочная зелень газона упруго пружинила под ногами. Худшие ожидания Луки, что прямо у двери мобилия его скрутят полицейские, пока не оправдались. Их встречал только камердинер в форменном сюртуке, который расплылся в приветливой улыбке и услужливо раскрыл над Вагнером большой черный зонт, хотя дождь едва-едва накрапывал. Когда следом за советником мессера из кабины выпрыгнул Лука, надменное бледное лицо камердинера еще более вытянулось. Лука невольно улыбнулся. Тот открыл было рот, как будто собираясь произнести длинную прочувствованную речь, однако тут же закрыл его, так и не издав ни звука.

Тропинка, посыпанная белой мраморной крошкой, вела через сад с цветущими клумбами, фонтанами и античными статуями к дворцу из светло-коричневого камня. Айдибрас на руке Луки мигнул и погас.

– Матиас, проводите его в восточное крыло. Да, и обеспечьте надежную охрану, – бросил Вагнер, просматривая на планшете поступившие сообщения и все сильнее хмурясь.

– Я под арестом?

– Что?.. А-а-а, нет, разумеется. Закончу дела через час, и переговорим.

Камердинер провел Луку по коридорам со скрытым светом, устланным ковровыми дорожками, поглощающими любой звук, через анфиладу светлых комнат, где стояла антикварная резная мебель, а стены украшали картины старых мастеров, фамильные портреты и рыцарские доспехи. Луку не покидало смутное ощущение, что он уже бывал здесь прежде: ему был знаком запах старого дерева, мягкий сумрак, пятна солнца на воощеном паркете и обстановка благородной, парадной роскоши. Но узнавание странным образом вызывало не умиротворение, а чувство все нарастающей тревоги.

После барочной роскоши дворца обстановка гостевой спальни выглядела спартанской: стены, пол и даже потолок были зашиты светло-серыми панелями, высокие окна прикрыты тяжелыми шторами, зато кровать – просто королевское ложе – размером с ту каморку, в которой они ютились

с Йоаной.

— Осмелюсь предположить, что вам хотелось бы отдохнуть и освежиться после долгого перелета, — камердинер быстро нажимал кнопки на сенсорной панели, регулируя яркость освещения и температуру воздуха. — Завтрак будет подан через пятнадцать минут.

Едва только камердинер с поклоном удалился, Лука скинул тяжелые, заляпанные грязью рабочие ботинки и плашмя бросился на кровать. Он не спал почти двое суток, и перина с прохладными белоснежными простынями показала миражом в пустыне, но он был настолько взбудоражен, что вряд ли бы смог сомкнуть глаза. Повалявшись пару минут, Лука прошлепал в ванную комнату и долго отмокал под горячим душем, а потом с удивлением обнаружил в гардеробной целый склад одежды на разные случаи жизни — от спортивной формы до фрака с атласными лацканами. И все было ему впору, точно шилось по его меркам.

В комнате уже ждал стол с накрытым завтраком — свежая выпечка и фрукты: яблоки, апельсины и множество других, названий которых он не знал. А еще — кофейник с настоящим, не сублимированным кофе! Лука собрался было отправить Йоане снимок с шутливой подписью о тюремном пайке, но айдибрас вырубился напрочь. Лука прислушался. Это было странное, уже позабытое ощущение — тишина в голове. Ни назойливой рекламы, ни сводок погоды, ни новостей. Он был вне сети Эфора. Впервые — без таймера с об-

ратным отсчетом.

Голос Эфора звучал в его голове всегда, сколько он себя помнил. Он знал привычные маршруты Луки и его любимые музыкальные треки под разное настроение, хранил терабайты его воспоминаний, подсказывал, что пора принять витамины и что энергетический батончик слишком резко повышает уровень сахара в крови. Эфор – это же фактически идеальный старший брат, который все время незримо маячит где-то рядом и приглядывает, как бы ты ни впутался в неприятности. Но иногда Лука уставал от его заботливого присмотра. Бывали дни, когда ему безумно хотелось спрятаться, уйти в тень.

Как оказалось, резиденция Вагнеров для всевидящего ока Эфора – одно сплошное слепое пятно. И это рождало смутную тревогу.

Лука осторожно потянул ручку двери. Не заперто. Выглянув в коридор, он увидел двух вооруженных до зубов громил. И вытянувшегося по струнке камердинера с угодливым и пустым, как чистая салфетка, лицом.

– Все в порядке, не беспокойтесь, – пробормотал Лука и аккуратно прикрыл дверь.

Со скуки он уселся на кровать и взял пульт управления. Наугад нажал кнопку. Тяжелые шторы медленно опустились, как театральный занавес, и комната погрузилась в крошечную темноту. Лука на ощупь нажал еще что-то. Панели на стенах, потолке и в полу мягко мигнули.

Так он оказался посреди леса. Вокруг покачивались бронзовые стволы сосен – ветер гулко пел в их высоких кронах, терпко пахло прелой хвоей, мхом и осенней сыростью. Олень с ветвистыми рогами настороженно поднял голову, прислушался и величественно пересек комнату, скрывшись в густых зарослях папоротника. Пролетела сойка, едва не коснувшись плеча Луки лазурным крылом.

Нажал еще раз. Картинка мгновенно сменилась. Он оказался в Альпах. Вереница горных пиков, покрытых вечным снежным панцирем, тянулась до самого горизонта. Разреженный воздух щекотал горло, пьянил, как ледяной сидр. Стеклянная тишина давила на уши.

Еще кнопка. Пустынное побережье лазурного моря, шум волн, просоленный ветер и крикливые чайки.

Еще. Коралловый риф со снующими разноцветными рыбками.

Еще. Ревущая арена футбольного стадиона во время Лиги наций.

Еще. Восточный базар с гортанными криками зазывал и горами душистых пряностей – от смеси запахов у Луки зачесало в носу, и он звонко чихнул. Еще, еще, еще...

Внезапно вспыхнул яркий свет, и панели погасли. У дверей стоял Вагнер.

– Готов? Вот и отлично. Прогуляемся?

Следуя за Вагнером, Лука поначалу пытался запомнить внутреннее устройство резиденции, но потом махнул ру-

кой – понадобился бы не один день, чтобы обойти все сквозные переходы, парадные залы и тайные закоулки дворца.

Они вышли не в парк, а прямо на оживленную городскую площадь, похожую на декорации старого фильма, снятого еще до войны. Истертая брусчатка мостовой, ряды домов с увитыми цветами ажурными балкончиками, люди, пьющие утренний кофе за накрытыми белыми скатертями столиками уличных кафе. Сверкающие витрины магазинов манили, искушали, завораживали. Они шли сквозь толпу, которая услужливо расступалась и тут же вновь смыкалась за их спинами.

Лука не мог избавиться от чувства, что все это – лишь иллюзия, ловкий обман зрения. Уж слишком наигранно было благодушие горожан, слишком цветасты и вычурны их наряды, слишком безмятежны улыбки, слишком торопливы и уклончивы взгляды.

Свернув на одну из боковых улочек, они вышли к странному сферическому строению, похожему на стальное яйцо. Или инопланетный космический корабль. «Клиника Калпио», – значилось на латунной табличке.

Поднявшись на скоростном лифте, они оказались в огромном, безжизненно стерильном вестибюле. «Мы печатаем жизнь. Слой за слоем», – прочитал Лука в ярком рекламном буклете, лежащем на стойке регистратора. Молодая медсестра в кипельно-белой униформе проводила их в палату.

В центре комнаты стояла капсула. Через маленькое окошко в корпусе Лука увидел подстреленного взломщика. Сходство между ними снова неприятно поразило его. В лице парнишки не было ни кровинки, а к телу прикреплялось множество разных проводов и трубок. Кажется, он спал.

– К счастью, его жизнь уже вне опасности. И все – благодаря тебе, – сказал Вагнер. – Рана была серьезной, он потерял много крови, и счет шел буквально на минуты.

В палату вошел доктор. Он почтительно пожал руку Вагнеру и приветливо кивнул Луке, на несколько мгновений удивленно задержав взгляд на его лице.

– Как видите, господин Вагнер, я ничуть не преувеличивал: бринтер³ превосходно справляется с печатью живых тканей из стволовых клеток.

– А что служит чернилами? – не удержался от вопроса Лука.

– Специальный гель, из которого сначала печатается трехмерная клеточная структура. Затем у пациента берут образцы клеток кожи, перепрограммируют их – и превращают в стволовые, заполняя распечатанную матрицу. В результате получается живая ткань любого органа, от сердца до костей и связок. А поскольку используется ДНК самого пациента, при пересадке организм не будет воспринимать ее как чужеродную и отторгать.

³ Бринтер – это специальный принтер для печати живых тканей из стволовых клеток.

– Замечательно, господин Крау, – сказал Вагнер. – Благодарю вас. Уверен, персонал клиники сделал все возможное. Если позволите, мы бы хотели переговорить наедине.

– Да-да, меня и самого ждет врачебный консилиум, – заверил доктор и, покашливая, вышел за дверь.

– Хм-м... Кажется, вышло несколько грубо, – озадаченно потер переносицу Вагнер. Лука заметил на его осунувшемся лице следы усталости. – Но время не ждет. Итак, Лукас...

– Меня зовут Лука, господин Вагнер. Лука Стойчев.

– А парня, которого ты спас, – Теофиль Себастиан Вагнер. Сын и наследник мессера Герхарда Андреаса Вагнера. И мой племянник.

– Но... я только вчера слышал в новостях, что молодой Вагнер был на вечеринке...

– Неужели ты всерьез полагаешь, что сообщения о том, что единственный наследник мессера бесследно пропал, имели хоть малейший шанс просочиться в прессу? Разумеется, все держалось в строжайшей тайне. А жадным до сенсаций репортерам светской хроники время от времени скармливали утиные перья. Мы развернули поиски, задействовав сеть агентов по всему миру, но все оказалось безуспешным. Кто бы мог подумать, что он все это время был здесь, под самым носом... Как же ты его нашел?

– Но я уже все рассказал.

– Я имею в виду – на самом деле.

Лука сглотнул, в горле пересохло. Он понимал, что врать

глупо и совершенно бессмысленно. При желании Вагнер мог до последней секунды отследить каждый его шаг в тот злополучный день.

И Лука рассказал про неудавшееся ограбление склада, предположив, что главарь банды держал наследника мессера в качестве универсальной отмычки. Ключа, который открывает любой, даже самый хитрый замок. Вагнер слушал его довольно сбивчивый рассказ молча. Лука не пытался выгородиться, но с немалым облегчением заметил, что советник мессера, похоже, совершенно не заинтересован в том, чтобы упечь его в тюрьму до конца дней.

– Что-то не так... Что-то не сходится, – задумчиво пробормотал он.

Лука почувствовал, как по виску скатилась капля пота.

– Я рассказал правду, клянусь.

– Да нет, я верю, верю... Но ты рассказал лишь ту правду, которую знал сам. Сомневаюсь, что это вся правда...

Нахмурившись, Вольфганг Вагнер отошел к окну, в задумчивости побарабанил пальцами по стеклу.

– А долго он еще пробудет в этой капсуле? – спросил Лука, чтобы прервать тягостное молчание.

– Доктор Крау полагает, что восстановительный процесс займет не меньше трех месяцев. Пока трудно сказать – все будет зависеть от внутренних резервов организма и его воли к жизни. Он потерял много крови. Но, к счастью, его жизни ничего уже не угрожает – сейчас это самое глав-

ное.

– Я рад. Нет, правда, искренне рад. Мне он показался славным парнем. Передавайте пожелания скорейшего выздоровления, когда он очнется. Насколько я понимаю, моя миссия завершена?

– О, нет. Твоя миссия только начинается, Лукас.

– Лука, господин Вагнер.

– Нет, именно Лукас. Так принято в семье.

– Что?

– Мне нет нужды дожидаться результатов генетического теста, чтобы с уверенностью утверждать, что ты – Лукас Август Вагнер, сын мессера и брат-близнец Тео. Вернее, его хост.

– Да бросьте! Ну, согласен, есть небольшое сходство, но это ж не значит, что мы – братья?

– Спроси любого встречного – и он не сможет сказать, кто из вас Теофиль, а кто – Лукас. На самом деле, если приглядеться хорошенько – различия, конечно, есть. И большие. Но главное – даже не внешнее сходство, а ментальная связь. Стоит возблагодарить судьбу, что после стольких лет, пусть даже и при довольно трагических обстоятельствах, ты вернулся в семью.

Лука на мгновение утратил дар речи. Потом со свистом втянул воздух.

– Господин Вагнер, – сказал он, отступая на шаг назад.

– Ты можешь звать меня Вольф. Так принято в семье.

– Господин Вагнер, уверяю вас, произошла какая-то ошибка. И если у вас нет ко мне еще каких-то вопросов, я хотел бы вернуться в Гамбург. Мать, наверное, уже с ума сходит от волнения.

– Ладно, зайдем с другой стороны, – устало вздохнул Вагнер. – При первом знакомстве мне показалось, что ты неглупый малый. Неужели ты собираешься горбатиться на сломе до последнего вздоха?

– Нет. К осени мы с Фли... ну, с другом собирались скопить немного денег и поступить в морскую школу.

– В таком случае раз уж до осени ты относительно свободен, предлагаю заключить сделку. Пока здоровье Тео не окрепнет настолько, чтобы он вернулся к своим обязанностям, его роль исполнишь ты. Он вел достаточно замкнутый образ жизни и не часто присутствовал на светских раутах, так что это будет не слишком обременительно. Если ты прилежно исполнишь свою роль, в сентябре я положу на твой счет пятьсот тысяч марок, – Вагнер выдержал паузу, чтобы подчеркнуть весомость своих слов. – Поразмысли хорошенько, это неплохой стартовый капитал, на который можно даже зафрахтовать судно.

Лука не верил своим ушам. Пятьсот тысяч марок – это же целое состояние. А до осени осталось не так уж много времени. С другой стороны, чуть подсказывало: беги. Беги не оглядываясь. Это – ловушка.

– Прекрасно. Я не сомневался, что мы быстро придем

к согласию, – холодно улыбнулся Вагнер, хотя Лука все еще колебался.

– А где гарантии, что вы сдержите слово?

– Гарантии? – левая бровь Вагнера изогнулась, и лицо советника мессера превратилось в надменную маску. – Что ж, я распоряжусь, чтобы Матиас вечером принес для визирования контракт, который мы заключаем с каждым наемным работником во дворце. На твоем месте я бы обратил пристальное внимание на раздел об ответственности за разглашение сведений, представляющих конфиденциальную информацию. Я требую на время оборвать любые контакты с прежним кругом общения и внешним миром вообще.

– Я должен предупредить мать.

– Я сам свяжусь с ней, не беспокойся. Уверен, она будет только рада.

Лука хмуро кивнул и отвернулся. Разлученные в детстве братья-близнецы, возвращение в отчий дом – все это слишком напоминало слезливую мелодраму. В жизни так не бывает.

Что бы там ни сулил Вагнер, Лука четко знал, кто он: сын Йоаны Стойчев, медсестры муниципальной клиники Гамбурга, выросший в квартале рабочих мигрантов. Он не Вагнер и никогда им не станет. Но, если уж советник мессера предлагает деньги, которые Лука и за сто лет бы не заработал на сломе, даже если бы вкалывал от зари до зари, просто за то, чтобы он немного пожил во дворце, разыг-

рывающая роль избалованного наследного принца – почему бы и нет? Все равно что выиграть в лотерею. Только простак отказался бы от такого подарка судьбы.

Но сколько бы ни пытался Лука убедить самого себя, что все складывается как нельзя лучше, он не мог отделаться от смутного ощущения, что за его спиной захлопнулась дверца мышеловки.

Услышав неясный шорох, Лука открыл глаза и увидел приветливо улыбающегося камердинера, который странно-вато смотрелся посреди покрытых вечными льдами горных кряжей. Он не сразу вспомнил, что вчера ночью переключил панели в спальне на режим «горы» и вглядывался в россыпь ледяных звезд в черном небе, пока не уснул. Сейчас небо за белыми пиками на востоке уже налилось яблочным румянцем. Лука коснулся босой ногой пола и тут же отдернул ее: за ночь все покрыл невесомый налет инея.

– Что, уже утро? – хрипло спросил он, и изо рта вылетело легкое облачко пара. – Который час?

– Пять пятнадцать. Господин Вагнер просил передать, что ждет вас в комнате для занятий через четверть часа.

– В половину шестого?!

– Совершенно верно. Осмелюсь предположить, что свободный спортивный костюм окажется наиболее уместным, – произнес камердинер ровным, бесцветным голосом, лишенным каких бы то ни было эмоций, – словно все, что он произносил, стояло как будто в скобках. – С вашего позволения,

я накрою завтрак.

«Так, а как же все эти рассказы про богачей, которые нежатся на мягкой перине до самого обеда?» – хмуро размышлял Лука, разглядывая в зеркале заспанное лицо. Он поплескал холодной водой, чтобы наконец проснуться, и натянул майку и спортивное трико.

Камердинер – кажется, вчера Вагнер назвал его Матиа-сом? – накрыл к завтраку. Одно вареное яйцо и крошечная чашка с черным кофе. «И это все? – мысленно отметил Лука. – А где же вчерашний роскошный стол с поджаренными тостами, настоящим, не соевым беконом и экзотическими фруктами?»

– Кажется, я не голоден, – выдавил он.

– В таком случае разрешите проводить вас в учебный класс, – поклонился камердинер.

Вольф ждал его в просторной, совершенно пустой комнате с зашторенными окнами. Он сидел на полу, скрестив ноги и закрыв глаза. Камердинер бесшумно притворил дверь. Лука тихо кашлянул, но Вагнер остался недвижим, как буддийская статуя.

– Кажется, вчера мы условились, что я буду просто изредка подменять наследника на светских приемах? – буркнул Лука вместо приветствия.

– Стоило повнимательнее изучить контракт. Там есть пункт «Прочие обязанности». Распорядок дня Тео включал учебные занятия – не вижу смысла это менять, – ледяным

тоном произнес Вольф, открывая глаза. – Ты готов приступить?

– Сразу предупреждаю: я не силен во всякой там грамматике, так что...

– Я не склонен питать особых иллюзий относительно глубины и обширности твоих познаний. Впрочем, базовым образованием займутся другие учителя: насколько мне известно, сегодня в одиннадцать тебе предстоит пройти междисциплинарный срез, по результатам которого будет разработана учебная программа и график занятий. Я же буду преподавать... скажем так, спецкурс. Занятия будут проходить ежедневно с половины шестого до восьми. Без выходных. Предупреждаю сразу: я располагаю крайне ограниченным запасом времени, так что предлагаю приступить прямо сейчас.

Лука оглянулся – в пустом зале не было ни стола, ни стула, поэтому он опустился прямо на пол.

– Итак, сегодня я хотел бы остановиться на ментальной связи, которая существует между близнецами с самого момента появления на свет. Было бы заблуждением считать, что, обладая одинаковым набором генов, они не только имеют схожие черты, но и в равной степени одарены. В каждой паре всегда есть прирожденный лидер – хаупт, и его тень – хост. Теофиль однажды поделился со мной, что никогда не терял надежды и все это время старался поддерживать связь.

– Что? Какую еще связь?

– Разве не было когда-нибудь снов о местах, где ты никогда в жизни не бывал?

– Такие сны есть у каждого!

– Да, но не настолько яркие. Не настолько... настоящие, наполненные разговорами, звуками, запахами. Сны, где можно ощутить вкус блюд, которые ты никогда не пробовал, протянуть руку и взять любой предмет, чтобы рассмотреть хорошенько. Разве это идет хоть в малейшее сравнение с обычными снами? Телепатические способности – совершенно не редкость в связке хаупта и хоста, хотя этот феномен еще не до конца изучен. При длительных тренировках можно научиться принимать определенные зрительные образы и в режиме включенного сознания, но считается, что во сне, когда разум находится в покое, он наиболее восприимчив.

– Получается, Тео посылал мне... сны?

– Однажды, когда я случайно застал его ночью в медитации – настолько глубокой, что я всерьез испугался, – он поделился этим маленьким секретом. С детской непосредственностью Тео каждую ночь зажигал огни маяка. Рассыпал хлебные крошки. Чтобы однажды ты отыскал дорогу назад. И, как видишь, это сработало. Эм-м... в некотором смысле. Итак, а теперь приступим к занятию. Разумеется, оптимальны парные тренировки хоста и хаупта. Но поскольку пока мы вынуждены обходиться без Тео, используем это время, чтобы проработать технику медитации. Это крайне

полезный навык, который освобождает тело и умиряет ум. Сядь ровно. Спина прямая, плечи расслаблены. Руки положи на колени. Нет, ладонями вверх. Теперь закрой глаза и дыши. Медленно.

– Так, а дальше? – спросил Лука спустя пару минут.

– Ничего. Просто закрой глаза и дыши. Мысленно считай выдохи. Для начала – до тысячи. Если собьешься, начни заново. И не ускоряй дыхание, голова закружится.

Спустя полтора часа Лука выполз из спортивного зала – совершенно обессиленный, безвольный и легкий, как сдувшийся воздушный шар. Шея и плечи ныли, как будто он всю ночь разгружал баржу с мешками зерна, а в глазах все расплывалось и двоилось.

В коридоре его уже дожидался камердинер, который с услужливой улыбкой протараторил распорядок дня, в котором свободными – видимо, по чистой случайности – оказались лишь полчаса после обеда. Все остальное время занимали лекции и тренировки.

Вернувшись в спальню после письменного экзамена, который продлился больше трех часов, Лука повалился на кровать и зарылся лицом в подушку. Голова раскалывалась от боли, как будто лоб стянул раскаленный обруч. Каждый звук эхом отдавался внутри черепа, раздувшегося до размеров купола собора святого Михаэля. Лука закрыл глаза.

Медленный, глубокий вдох. Он справится. Просто обязан справиться.

Дверь приоткрылась совершенно бесшумно, но Лука сразу ощутил чужое присутствие. Увидев Вольфа Вагнера, он нахлобучил на голову подушку и застонал.

– Ну что еще? Я сегодня и так уже вымотался, честно.

– Я лишь хотел пригласить тебя на тихий семейный ужин.

– Просто мечтаю познакомиться с остальной родней, – выдал Лука, сползая с кровати.

– Отлично, так я и предполагал.

Увидев, что Лука натягивает черную свободную куртку с капюшоном, Вагнер чуть заметно поморщился.

– Рекомендовал бы отдать предпочтение чуть более элегантному стилю одежды.

– И так сойдет.

Вагнер слегка приподнял бровь, но воздержался от дальнейших препирательств.

Через пятнадцать минут аэромобиль опустился на покрытую белой мраморной крошкой площадку – она располагалась рядом со старым особняком, окруженным ухоженным парком. Минувя парадную лестницу с вазонами⁴ и статуями настороженных львов, Вагнер свернул к скромному флигелю, примыкающему к зданию с западной стороны.

– Итак, чей же это особняк?

– Господина Штефана Юнга, который долгие годы был советником великого мессера Манфреда Вагнера. Юнг – в своем роде легенда. Так что будь почтителен, – предупредил

⁴ Вазон – садовая, уличная декоративная ваза для цветов.

Вольф, потянув тяжелую дверь.

Внутри особняка царил полумрак. Здесь пахло смесью медикаментов и дезинфицирующего раствора, а еще – старостью и затяжной болезнью. Но обстановка не походила на больничную палату.

Стены кабинета были обшиты потемневшими от времени дубовыми панелями. В высоких шкафах виднелись корешки книг в кожаных переплетах. Тяжелые бархатные портьеры скрывали последние лучи заходящего солнца.

В камине тихо потрескивали дрова. У ломберного столика с неоконченной партией в шахматы стояла пара кресел с высокой спинкой, развернутые к огню. Рядом стоял какой-то аппарат с множеством датчиков и трубок – он что-то медленно, с усилием, перекачивал. В одном из кресел сидел человек, лица которого не было видно. Лишь тощая рука с бледными пальцами вытянулась, чтобы передвинуть одну из черных фигур на доске.

Вольф опустился на кушетку и замер в ожидании, скрепив ладони на набалдашнике трости. Тягостную тишину нарушало только тиканье старинных часов на каминной полке. Лука тоскливо вздохнул.

– О, так ты сегодня не один? Пусть подойдет к огню.

Каждый шаг давался Луке с огромным напряжением, как будто он был облачен в тяжелое снаряжение глубоководного водолаза, над головой которого навсегда сомкнулись все воды мирового океана.

– Добрый вечер, господин Юнг.

В кресле сидел высохший старик, похожий на ожившие останки фараона. На столике рядом с ним в тяжелой пепельнице тлела, испуская тонкую струйку дыма, сигара. Не удостоив гостя даже беглым взглядом, советник медленно представлял на доске фигуры – белые, черные. На неподвижном лице с незримой печатью времени, как на гладко обтесанной гальке, живыми оставались только глаза, похожие на обсидианы⁵.

«А ведь он играет в партию сам с собой», – запоздало смекнул Лука.

– Знаешь правила игры? – безучастно поинтересовался советник Юнг.

Лука отрицательно помотал головой.

– Напрасно. Как сказал один поэт – слишком претенциозный на мой вкус – жизнь слишком коротка для шахмат. И был чертовски прав. Присядь к огню. Вернемся к делам, Вольф. До меня дошли тревожные известия...

Его голос становился все тише и глуше, как будто старый советник по ступеням спускался в сырое подземелье, и вскоре оборвался на полуслове. Но диалог между ним и Вольфом продолжился – и, судя по плотно сжатым губам и остекленевшему, уставившемуся в пустоту взгляду Вольфа, советнику мессера было совсем не по нраву, что кто-то читает

⁵ Обсидиан – природное вулканическое стекло, минерал преимущественно черного цвета со стеклянным блеском.

его сознание как открытую книгу. С каждой минутой воздух в комнате сгущался, как перед грозой, мочки ушей покалывали злые искры статического электричества. Лука оттянул ворот, борясь с накатывающей дурнотой. Наконец он не выдержал этой безмолвной пытки.

– Эй, а может, бросите эти вагнеровские штучки и ради разнообразия побеседуете как нормальные люди?

Старик криво усмехнулся. На лице Вольфа отобразилось облегчение, как будто ему, наконец, выдернули больной зуб.

– В болотах за Грайфвальдом снова появились селения беженцев. Впрочем, агрессии они не проявляют и предпочитают держаться подальше от городов, так что в Штральсунде все спокойно. Кольдберг усилил ополчение. В Северном море – сильные шторма, на острове Готбланд повреждены ветрогенераторы. Но фон Фриз заверяет, что мощности альтернативных источников хватит еще на пару недель, так что ситуация пока не вызывает серьезных опасений...

Вольф все говорил и говорил, перечисляя названия городов, имена каких-то людей – в представлении Луки смысла в его словах было немногим больше, чем в мерном рокоте волн. Он смотрел на пляшущие язычки пламени в камине и чувствовал, как веки наливаются тяжестью. Лицо советника легендарного мессера Ганзы, подсвеченное красноватым отблеском огня в камине, навело на мысли о высеченном из дерева древнем идолу, смотрящем на мир из обманной глубины окружавшего его озера табачного дыма.

– Ты уже выяснил, кто похитил наследника? – неожиданно спросил он, оборвав доклад Вольфа на полуслове.

– Нет, господин советник. Пока нет. Распутываю клубок, но все нити оборваны. Кто-то искусно замел следы.

– Настолько искусно, что ему удалось сбить с толку Вольфа Вагнера с его волчьим чутьем?.. А что ты думаешь насчет банды арабских взломщиков, которые промышляли по всей Ганзе, вскрывая торговые склады? И настолько уверовали в собственную неуловимость, что рискнули вскрыть замок склада, отмеченного печатью семьи?

– Полагаю, это не было пустой самонадеянностью или удачным стечением обстоятельств. Тео сам навел их на эту мысль.

– Тео?

– Разумеется. Мы прежде бывали с ним на этом складе. Он знал про потайной подземный ход и, полагаю, надеялся воспользоваться им. К несчастью, дежурный дрон засек катер без регистрационного маячка, проследил его маршрут и выслал полицейский отряд. Возможно, план Тео действительно сработал бы, однако в завязавшейся перестрелке его зацепила пуля. Но его действительно вело само провидение: рядом оказался Лукас.

– История, достойная приключенческого романа, – усмехнулся старый советник. – Так ты полагаешь, за похищением Тео стояли другие люди?

– К сожалению, главарь этой шайки, некий Ибрагим Руш-

манди, и его люди мертвы, так что я лишен возможности допросить их. За последние два дня я поднял всю информацию: задержания, круг общения, привычки – всю их ничтожную жизнь вплоть до последнего часа. Еще полгода назад Рушманди был мелким прохиндеем. Ему не достало бы ни ума, ни смелости, ни изворотливости, чтобы провернуть похищение наследника, разыграть все как по нотам и несколько месяцев водить за нос всю полицию Ганзы.

– Абсолютная посредственность тоже может быть неплохим козырем.

– Нет, здесь что-то другое... Боюсь, не остается ничего иного, как дожидаться, пока Тео придет в сознание и сам прольет свет на произошедшее.

– Что ж, прекрасно, мой мальчик, – пробормотал советник Юнг и медленно прикрыл веки. – Ступай, я устал немного.

Вольф Вагнер поспешно поднялся, чтобы удалиться – как мстительно подметил Лука, с нескрываемым облегчением. Родственный визит оказался изощренной пыткой даже для серой тени мессера Герхарда Вагнера.

Дни в семейной резиденции Вагнеров тянулись чередой и были наполнены бесконечными тренировками, лекциями, зубрежкой экзаменами. Никаких вечеринок и безбашенных развлечений золотой молодежи. Вдобавок советник Юнг вызвался обучать хоста наследника игре в шахматы. Правда, нередко случалось, что за время занятия Луке не доводилось

передвинуть на соседнюю клетку ни единой фигуры, потому что наставник пребывал не в лучшем расположении духа и сидел, нахохлившись, как старый ворон, погруженный в мрачное молчание.

Худшим испытанием была медитация. Два с половиной часа полной, абсолютной неподвижности.

– Прижми язык к небу. Почувствуй, как вытягивается позвоночник. Ощути пространство между позвонками, – бесцветный голос Вольфа усыплял, погружал в транс.

Спохватившись, что его опасно повело вправо, Лука выровнялся. Пятнадцать минут прошли в молчании. По левой голени поползли щекотные мурашки – еще минута, и нога онемееет. Зачесалась правая бровь. Стараясь не создавать колебаний воздуха, Лука поерзал. Выгнул бровь, как будто услышал что-то небывалое. Но зуд только усилился.

– Не дергайся, – велел Вольф.

– Спина уже задеревенела. И нога затекла, – буркнул Лука.

– Сядь ровно. Дыши.

Лука поморщился, чувствуя, как все тело стало неповоротливым. Напрасная трата времени. За эти два с лишним часа он вполне мог бы вызубрить три главы по истории или хотя бы вздремнуть, чтобы голова была ясной.

Чтобы не сойти с ума от скуки, он пересчитал языком зубы. Потом в обратном порядке. Попробовал перенести вес тела на другую точку, борясь с непреодолимым желанием

встать, встряхнуться, размять окаменевшие мышцы. Приоткрыл один глаз и увидел, что Вольф в упор смотрит на него.

– Время еще не истекло.

В отличие от Луки Вольф, казалось, мог сидеть неподвижно сутками напролет. По натуре советник мессера был деятельным, не терпел, когда время тратят впустую и негодовал даже по поводу минутного опоздания. Но во время медитации он превращался в неподвижную статую, как будто был способен покинуть собственное тело и странствовать по миру.

В носу засвербело. Лука зажмурился и громко чихнул.

– Минутный перерыв, и начнем отсчет заново, – с ледяным спокойствием объявил Вольф.

– Вы говорили, что в связке хаупта и хоста нередко развит навык телепатии. Советник Юнг – ни тот, ни другой. Он даже не Вагнер. Как же ему удастся так легко читать ваши мысли? Или мои? – спросил Лука, чтобы еще хоть чуть-чуть потянуть время.

– Он истинный Вагнер по крови и по духу, хоть и носит другую фамилию. Его дар – генетически заложенная особенность, которой ни я, ни ты, увы, не обладаем.

– Не особенно приятно, когда кто-то бесцеремонно влезает в мою голову, как в собственный карман, и шарит там.

– Если бы ты прилагал чуть больше рвения и усидчивости, то освоил бы приемы, которые позволяют оградить сознание от постороннего вмешательства.

– Какие, например?

– Есть специальные техники. Но это, скажем так, продвинутый уровень.

– А пока никак? Иногда мне кажется, что советник Юнг прикасается к моему мозгу мохнатыми паучьими лапками. Премерзкое ощущение.

– Кхм... Попробуй читать стихи.

– Стихи?

– Да. И лучше что-нибудь из античной поэзии. В идеале – на древнегреческом. Это не блокирует доступ для столь опытного мастера, как советник Юнг, полностью, но несколько затруднит проникновение. Он – живая легенда. Ты должен быть несказанно благодарен, что он уделяет время занятиям с тобой.

– Угу. Я просто-таки преисполнен благодарности.

– И правильно, – словно не заметив сквозившей в его словах иронии, сказал Вольф. – Даже если иногда кажется, что это сущая пытка. Мы с братом тоже прошли через эту школу. Штефан Юнг был его наставником и советником в первые годы правления.

Лука помолчал, размышляя о чем-то.

– Мне все-таки не дает покоя одна мысль... Раз уж Вагнеры так заморочены на нерушимости кровных уз, как Юнг умудрился стать доверенным советником старого мессера, не будучи ни его хостом, ни даже ближайшим родственником?

– У мессера Манфреда был брат-близнец. Но он, к сожалению, погиб еще в раннем детстве. Посвящая все свое время государственным делам, мессер так и не создал семьи. Когда ему исполнилось сорок пять, он создал семь дублирующих генетических заготовок.

– Но клонирование запрещено! Или для Вагнеров закон не писан?

– Жесткий запрет был принят не сразу, а после череды громких скандалов и судебных дел...

– Семь клонов... С ума сойти! Зачем же так много? И где остальные?

– Кхм... Их активировали по мере необходимости. Иногда обстоятельства требовали, чтобы вместо мессера на публичных мероприятиях при потенциально высоких рисках присутствовал его клон. И случалось, что подстраховка была обоснованной. Иногда требовалась выемка органов. Несовместимая с жизнью. Штефан Юнг был, если не ошибаюсь, четвертым.

– То есть он просто разбирал их на запчасти?

– В отличие от хоста клон не является отдельной личностью. Он всего лишь точная биологическая копия.

– Кстати, сколько Юнгу на самом деле лет?

– Через два месяца исполнится сто семьдесят три.

Лука тихо присвистнул.

– А я читал, что клоны редко дотягивали и до пятидесяти.

– Так и было. Но, как я сказал, советник Юнг – настоящий

уникум. Не сомневайся, его ум по-прежнему ясен, а память – безупречна.

– А остальные клоны, получается, так и плавают в рассоле?

– Нет, из-за преступной оплошности дежурного оператора в депозитарии, где хранился биоматериал генетических копий мессера, произошел технический сбой. Системы жизнеобеспечения вышли из строя на критически долгий срок. К тому времени мессер уже был в слишком почтенном возрасте, чтобы создавать новые генетические слепки. А двойной слепок с клона, как оказалось, чреват серьезными сбоями в иммунной системе.

– Как все удачно сложилось для советника Юнга, не так ли?

– Не ерничай, это дурной тон. Все в семье были глубоко опечалены произошедшим.

– Ну разумеется. Знаете, как-то невесело жить с мыслью, что тебя растят, как свинью на убой, чтобы в один прекрасный день разрезать брюхо и вынуть ливер.

Вагнер поморщился: его коробила грубая прямота Луки, который специально поддразнивал его, стремясь разбить ледяной панцирь спокойствия советника мессера.

– Это все давно уже в прошлом. К счастью, с развитием биотехнологий необходимость в донорских органах отпала. В основе связки хаупта и хоста лежит совершенно иной посыл. Из единого генетического материала создаются мен-

тально связанные братья-близнецы, одному из которых изначально предначертано стать верховным лидером, а другого – его союзником, правой рукой.

– А если хост не хочет?

– Не хочет?

– Ну да, не хочет. Если вот это всё его совсем не прельщает? Если он хочет прожить свою жизнь иначе? Идти своим путем, а не быть чьей-то там рукой или прочим придатком?

– Но хост силен именно своей связью с мессером: так в полной мере он реализует свой потенциал для укрепления влияния семьи. В одиночку он... просто человек.

– А этого что, мало?

– Вернемся к медитации, – резко оборвал спор Вагнер.

Устав от постоянной муштры, Лука с наступлением сумерек выходил прогуляться по саду. Он избегал посыпанных белой мраморной крошкой дорожек и прогуливался в глубине парка: брел по траве, вдыхал сырой запах земли и прелой листвы, и напряжение дня постепенно расжимало хватку.

Как-то вечером он забрел в отдаленный уголок дворцового парка и услышал странные звуки – не то тихие всхлипы, не то сдавленный смех, которые подхватывались жутковатым эхом. Стараясь ступать неслышно, он подобрался ближе и, раздвинув ветви сирени, увидел заброшенный колодец, над которым склонился призрачный силуэт. В обманчивом лунном свете бескровное лицо излучало тихое жемчужное сияние. Глаза были закрыты, губы безмолвно произносили

что-то. Ладони, похожие на пару птиц, покачивались в воздухе, вспархивали в такт неслышной мелодии. Совершенно свободные, никак не связанные с телом.

Лука почувствовал, как похолодела спина и налились чуждой тяжестью ноги. Ощутив присутствие постороннего соглядатая, призрак распахнул глаза, пригвоздив его немигающим, потусторонним взглядом. «Тео?» – прошелестело в воздухе. Лука отпрянул. Видение пропало, растворившись в ночном воздухе.

Наутро он уже не был уверен, было ли ночное происшествие на самом деле или это все ему только привиделось. Пробравшись к старому колодцу, Лука заметил на влажной после вчерашнего дождя земле узкий след туфли. Значит, призрак был из плоти и крови.

Как только спустились сумерки, он пробрался в сад и застал в густых зарослях у старого колодца. Но незнакомка так и не появилась. Как и на следующую ночь, и еще ночь спустя.

Несколько дней из-за полуночных прогулок по саду Лука спал урывками, выкраивая минуты между лекциями, и на медитации наступила неминуемая расплата: едва прикрыв веки, он провалился в туманный морок где-то на зыбкой границе яви и сна, сквозь который едва пробивался голос Вольфа.

Открыв глаза, Лука обнаружил, что лежит в вывернутой, неудобной позе на полу в совершенно пустой аудитории,

в пятне солнечного света, бьющего через огромные неза shutterенные окна. Он поднялся, чтобы поскорее стряхнуть сонный ступор. Подергал ручку двери. Но та оказалась заперта. Сколько бы Лука ни колотил, пытаясь докричаться до слуг, сколько бы ни сыпал проклятиями, пробуя с разбега вынести плечом дверной косяк, все во дворце словно забыли о его существовании. Вероятно, милый дядюшка решил так наказать его за нерадивость. «Ну и пусть. Зато я выспался, – с мстительной яростью думал Лука. – Наверное, впервые за последний месяц».

Спустя пару часов, устав от бесцельного хождения по комнате в попытках заглушить ворчание пустого желудка, Лука улегся посреди комнаты. Но спать больше не хотелось, пол казался жестким. Стиснув зубы в бессильной злости, Лука сел в позу лотоса и закрыл глаза, уже не беспокоясь о том, что его спина развалится, как старая кирпичная кладка. И стал дышать: так, как учил Вагнер, чтобы вдох был легким, почти незаметным, а выдох – сильным, выметающим прочь все мысли, как лишний сор. Дышать так, чтобы воздух проносился по телу, как сквозняк по опустевшему дому.

Он не знал, сколько прошло времени – несколько минут, час или целая вечность, но когда открыл глаза, то услышал, как тихо поворачивается в замке ключ. На паркете лежали косые отсветы закатного солнца. А по его предплечью струилось переплетение линий, напоминающее рисунок мехенди.

Перед сном Лука снова выбрался в сад. В ночном возду-

хе плыл сладковатый, тревожный аромат. Оказалось, на совершенно голых, словно изломанных непогодой ветвях распустились огромные пурпурные цветы магнолии. На одной из дальних дорожек сада чернел тонкий силуэт – девочка со смоляными, гладко зачесанными волосами зачарованно разглядывала цветы, похожие на небрежно завязанные ленты из муслина. Услышав шорох гравия, она вздрогнула и обернулась.

– Эй! Постой! Не бойся!

Подойдя ближе, Лука заметил тачку с садовым инвентарем и огромными желтыми перчатками.

– Привет! Я Тео. Я искал тебя. Когда я увидел тебя той ночью там, у колодца, то сначала принял за привидение. Ну, духа-хранителя сада. У которого только голова и руки, а тела нет. А ты просто вся в черном была, вот и растворилась в темноте...

Он протянул руку, но незнакомка не пожала ее и не разомкнула губ, продолжая смотреть все так же пристально и серьезно.

– Нет, – наконец произнесла она, будто ей наскучила игра в гляделки.

– Что – нет?

– Ты не Тео. Ты вообще не похож на него. Кто же ты?

Лука смешался. Оказывается, за не прошедшие несколько недель он уже привык, что все во дворце видят в нем наследника мессера. Привык называться его именем, жить по его

расписанию, играть его роль. Эта странная девушка была единственной, за исключением разве что Вольфа, кто сразу же заметил подмену. И совершенно неожиданно это было чертовски приятно.

– Ну ладно, ты права. Я просто... ну, вроде как его двойник. На время, пока он не вернется. Кстати, я Лука. А ты? Как твое имя?

– Миа.

– Чудное имя, никогда прежде не слышал. Хотя, знаешь, тебе идет. Но признайся, ты тоже сначала приняла меня за брата? Ты назвала его имя!

Миа отпрянула, как будто в лицо ей брызнули холодной водой, и стала поспешно собирать вещи в тачку.

– Простите, господин, мне запрещено разговаривать.

– Постой, я чем-то обидел тебя? Не уходи, пожалуйста, – Лука попытался взять ее за руку, но она проворно выдернула ладонь, хрупкую, как у синицы.

– Мне правда пора.

– Ты придешь в сад завтра?

– Да, я тут каждый день.

– Не только ночью?

– Не только, – улыбнулась она и, подхватив тачку, поспешно скрылась.

Проводив ее взглядом, Лука вернулся в спальню и плашмя бросился на кровать. На его губах блуждала улыбка, а в голове снова и снова прокручивался разговор с Мией. По по-

толку комнаты разливалась чернильная тьма арктического неба, которая мало-помалу затянула его в водоворот, где таился сон, прохладный и медленный, как северная река.

Как только в расписании лекций и тренировок образовывался небольшой просвет, Лука навещал Тео в клинике. Когда тот очнулся и увидел брата, похожего на него, как две капли воды, то в первые минуты не мог произнести ни слова. Просто смотрел на Луку и улыбался, как будто выиграл главный приз в лотерее.

– Эй, да брось ты уже меня разглядывать, – буркнул Лука, чтобы скрыть смущение.

– Когда Вольф сказал, что приготовил сюрприз, я поначалу подумал, что речь идет о щенке. Всегда мечтал завести собаку.

– Ну, извини, это всего лишь я. Представляю, как здорово ты разочарован, – рассмеялся Лука.

Тео подхватил его смех, но сразу же закашлялся и обессиленно опустил на подушку.

– Ты это... Ну, не перенапрягайся пока, что ли... Вольф говорит, ты потерял много крови и вообще был на волосок... Ну, это самое, – Лука вынул руку из кармана и неловко хлопал его по плечу, чтобы приободрить. Он не знал, что еще сказать, что вообще принято говорить в подобных ситуациях, и чувствовал себя бегемотом, попавшим в аптеку. Но, кажется, Тео был не в обиде.

Заскочив в этот раз, он застал брата в приподнятом на-

строении: доктор Крау обещал, что уже через пару недель он сможет вернуться домой.

За время болезни Тео еще сильнее исхудал.

– Эй, ты что, совсем не ешь?

– Ем, конечно. Просто сейчас не хочется.

Тео с виноватым видом отодвинул больничный поднос с порцией сбалансированной и питательной слякоти на тарелке.

– Уверен? Ну ладно, значит, зря принес.

– Яблоко! – Тео выхватил из рук Луки гостинец и впился в него зубами, заставив от удовольствия. – Кислое... Восторг! Ты точно не умеешь читать мысли?

– Я бы заметил, – пожал плечами Лука и сел на край кровати. – Кстати, одна особа передает тебе пожелания скорейшего выздоровления.

– Да? Кто? – спросил Тео с набитым ртом.

– Миа.

– Кто?

– Ты что, не помнишь ее? Ну, такая худенькая, темноволосая. В огромном желтом дождевике. Мы как-то столкнулись в саду, и она сразу раскусила, что я не тот, за кого себя выдаю. Хотя все во дворце приняли обман за чистую монету.

– Миа? Глухая внучка старого садовника?

– Глухая?..

– Ну да. Ты что, не знал?

– Нет. Постой, но мы же разговаривали... Ну вот как сей-

час с тобой.

– Ну да, у нее стоит простенький имплант, который позволяет различать некоторые звуки. А еще она прекрасно читает по губам.

– А она всегда была... ну, глухой?

– Кажется, мне было лет семь или восемь – мы с Вольфом прогуливались по саду, и я заметил, что старик Ван, садовник, который всегда срывал для меня самый красивый цветок, чем-то страшно расстроен. Я стал его расспрашивать, и он признался, что его внучка тяжело переболела не то корью, не то свинкой и потеряла слух. Я расчувствовался и сказал Вольфу, что готов пожертвовать свои карманные деньги, чтобы оплатить операцию. Да, я вспомнил теперь: потом старик Ван подвел ко мне какую-то темноволосую девчушку, которая так ужасно смущалась, что не произнесла ни слова и смотрела только на собственные туфли, – Тео улыбнулся воспоминаниям. – Расскажи лучше, как тебе живется в резиденции? Судя по узору на руке, ты сильно продвинулся, у меня на это ушли годы.

Лука засунул руки в карманы и отошел к окну.

– Не сказал бы. Все это так... Бездарный спектакль. Непонятно только, ради кого я днями напролет кривляюсь на сцене – зрителей-то нет. Одно радует: за это время я здорово нагнал учебную программу по всем предметам. Правда, чего это все стоило...

– Вольф говорит, что ты небезнадежен. И это определенно

самый лестный отзыв о ком-то из всех, что я слышал от него за всю жизнь. Еще, я слышал, и советник Юнг вцепился в тебя бульдожьей хваткой?

Лука только хмыкнул. Он не верил в кровные узы и галиматью с ментальной связью мессера и хоста, про которую без устали твердил Вольф, но Тео, похоже, неплохой парень.

– Слушай, давно хотел спросить: как тебя угораздило вляпаться в историю с похищением?

Тео сразу поскуучнел.

– Это Вольф поручил расспросить, да?

– Нет. То есть да. Но мне и самому это покоя не дает. Ты же все-таки, ну... наследник мессера Ганзы и все такое... Не могли же тебе посреди дня мешок на голову нахлобучить и в аэромобиль затолкать?

– Ну, почему же... Примерно так все и было.

– Ты что, под гипнозом был?

– Я, правда, как ни стараюсь, не могу вспомнить, как это случилось и что было потом. Наверное, посттравматический синдром. Или доктор Крау все-таки переборщил с медикаментами, когда выводил меня из комы. Начисто все стерлось из памяти. И знаешь, я этому даже рад.

– Вот что меня занимает: почему те, кто тебя похитил, не потребовали выкупа?

– Вполне может оказаться, что они вообще не подозревали, кто я. Как я понял из обрывков разговоров, это были во все не воротины криминального мира. Так, мелкие мошен-

ники, промышляющие грязными делишками.

– Но кто же все-таки стоял за всем этим?

– Не знаю. И, честно говоря, мне все равно. Все уже позади.

– Погоди, но как ты оказался на складе в Гамбурге?

– О, это и правда забавная история. Потный алжирец, который заправлял шайкой, оставил нас в каком-то заброшенном доме. От холода зуб на зуб не попадал, из развлечений – только засаленная колода карт. У охранников, которые уже устали слушать заверения, что скоро они сорвут серьезный куш, нервы вконец расшатались. И я сказал, что глупо ругаться из-за ерунды, когда можно обчистить любой банк или магазин в Ганзе. Потому что я – непревзойденный взломщик.

– И эти остолопы купились?

– Не сразу, конечно. Но я показал пару фокусов со старыми замками. Ты знал, что девяносто девять из ста биометрических замков, установленных в Ганзе, производятся на одном-единственном заводе? А принадлежит он, разумеется, семье Вагнеров. Так вот, помимо персональной настройки под владельца в каждом замке защита базовая программа, которая срабатывает на взаимодействие с генными кодами нашей семьи.

– Для Вагнеров нет закрытых дверей, – усмехнулся Лука.

– А ты думал, поговорки на пустом месте появляются?

– Ну допустим. Но раз любой замок – не проблема, почему

ты просто не сбежал?

– После нескольких неудачных попыток на меня нацепили магнитные браслеты с геолокацией и электрошокером. Податься в бега с таким багажом – сомнительное удовольствие. Так что пришлось напрячь голову.

– Так ты нарочно навел их на мысль ограбить склад в Гамбурге?

– Конечно. Я бывал там как-то с Вольфом и знал про тоннель. Рассчитывал, что пока они радуются добыче, получится незаметно ускользнуть.

Лука рассеянно выглянул в окно. Яркое светило весеннее солнце, по мокрому карнизу прыгали взъерошенные воробы. В изложении Тео все выглядело именно так, как и предполагал Вольф. Но Луку не покидало чувство, что головоломка так и не сложилась в правильный пазл, потому что некоторые фрагменты надежно утеряны. И это не на шутку его озадачивало.

– Занят?

Лука оторвал голову от старинного ханьского талмуда по искусству войны.

– Еще пять глав осталось вызубрить к завтрашнему экзамену.

– Прогуляемся в парке? Это не займет много времени, – предложил Тео.

Лука захлопнул фолиант, почти целиком состоявший из сносок, примечаний и пояснительных статей, и с удоволь-

ствием расправил затекшие плечи.

Тео вернулся во дворец почти неделю назад, и Лука в очередной раз поразился искусству Вольфа Вагнера обставить все без лишней шумихи. В резиденции никто не выказал удивления из-за внезапного «раздвоения» наследника мессера: как будто Теофиль с раннего детства воспитывался вместе с хостом, как и было принято по семейной традиции. Более того, с каждым днем Лука все больше укреплялся в мысли, что все до единого в бесчисленном корпусе вышколенных слуг с первого дня знали, что перед ними вовсе не наследник мессера. Они просто выполняли распоряжения Вольфганга Вагнера: оказывали почести, полагающиеся юному наследнику по статусу, и старательно не замечали очевидных промахов самозванца. Так что напрасно Лука возомнил себя прекрасным актером и ликовал, что так ловко обвел всех вокруг пальца. На самом деле он оказался безымянным статистом иммерсивной театральной постановки. Наблюдая, как непринужденно Тео держится за обеденным столом, сервированным фамильным серебром и фарфором, как легко подхватывает разговор, как со сдержанной полуулыбкой терпеливо ждет, пока престарелый камердинер услужливо распахнет перед ним двери бальной залы, как придирчиво выбирает подходящий случаю костюм, Лука вновь и вновь убеждался: Миа была права – они с Тео настолько разные, что их невозможно спутать. В роли наследника мессера он выглядел нелепым, неуклюжим посмеши-

щем, как цирковой медведь в расшитой пайетками балетной пачке, который взгромоздился на велосипед на потеху публике.

Ощущение чужеродности, несовместимости с роскошной обстановкой резиденции Вагнеров, ее железным распорядком дня и негласным сводом правил не приглушилось со временем, а только обострилось. Но, когда Лука попытался завести с Вольфом разговор о том, что теперь, когда Тео полностью оправился, их соглашение можно расторгнуть, тот напомнил, что оговоренный в контракте срок еще не истек: «Поверь, я вовсе не собираюсь удерживать тебя здесь силой. Вернуться к прежней жизни в Гамбурге никогда не поздно. Я лишь хочу, чтобы ты увидел, что есть и другой путь. А выбор всегда останется за тобой».

На дворцовый парк уже опустились сумерки. В воздухе плыл приторно сладкий запах цветущей сирени, кусты которой напоминали гигантские облака сахарной ваты. Тео неторопливо шагал по посыпанной гравием дорожке, оглядывая клумбы с распустившимися нарциссами, королевскими ирисами и гиацинтами. Лука понял, что брат вытянул его на прогулку для важного разговора и не торопил, чтобы тот собрался с мыслями.

Они вышли к павильону с высокими арочными окнами и балюстрадой, украшенной причудливыми вазонами. Перед парадным крыльцом раскинулся лабиринт из живого кустарника.

– Это Галерея старых мастеров, – сказал Тео. – Здесь находятся бесценные полотна. Отец – не просто коллекционер. Он прикладывает колоссальные усилия, чтобы спасти сокровища мирового искусства из разоренных варварами музеев.

Тео приложил ладонь к сенсорной панели и потянул за ручку двери в виде оскаленной головы льва. Яркое освещенный холл был обставлен с дворцовым шиком: зеркала, канделябры, позолота, портьеры из алого бархата, бесконечная анфилада⁶ выставочных залов. На мгновение у Луки возникло ощущение, что он заперт в пересечении зеркальных отражений.

Тео приподнял портьеру, за которой скрывалась неприметная дверь, и они вошли в стальную кабину лифта. Как только створки захлопнулись, из потайных клапанов с шипением вырвался сжатый воздух.

– Самые ценные экспонаты требуют особого бережного хранения и никогда не выставляются. В запаснике поддерживается постоянная температура и влажность, а стены отсеков из усиленной стали обеспечат полную сохранность полотен в случае взлома, пожара или природного катаклизма. Даже если весь мир погибнет от ядерного взрыва, они не пострадают. Здорово придумано, правда?

Подземное хранилище, погруженное в полумрак, вызыва-

⁶ Анфилада в архитектуре – это ряд примыкающих друг к другу помещений, дверные проемы которых расположены по одной оси, что создает сквозную перспективу интерьеров.

ло у Луки легкий приступ клаустрофобии, и в ответ он только хмыкнул.

На контрасте с нарядными музейными залами запасник напоминал склад забытых и утерянных вещей. Бюст с отколотым носом на шатком постаменте, египетский саркофаг, свернутые в рулон ковры, шкафы с черепками, статуэтками и старинными монетами, груды заколоченных ящиков с непонятной маркировкой и – холсты, холсты, холсты, развернутые лицом к стене, как наказанные дети.

– Смотри, – сказал Тео, разворачивая к рассеянному свету одно из полотен.

С холста на Луку смотрела девушка с глазами того особого цвета, какой бывает только у северных рек. Пушистые светлые косы. Мягкая улыбка, затаившаяся в уголках губ. Задумчивый взгляд куда-то вдаль, за пределы рамы. Образ нечеткий, ускользающий, как будто смотришь сквозь заиндевевшее стекло.

– Красивая, – тихо сказал Лука.

Чей этот портрет, он догадался сразу, даже если бы не было этого поразительного, небывалого внешнего сходства – по тоскующему взгляду, которым Тео смотрел на холст, по тому, как подрагивали его руки, державшие подрамник.

– Знаешь, все детство я люто тебе завидовал, – помолчав, признался Тео, не отводя взгляда от портрета. – Не смотри так, это правда. Всё время терзался вопросами: «Почему она выбрала тебя? В чем провинился я?» Раз за разом прокручи-

вал в голове сцену: как она склонилась над кроватью, чтобы взять только одного...

– Тео, брось...

Это был их первый разговор о матери, и Лука чувствовал, что ступает на тонкий лед.

– В детстве, когда становилось особенно тоскливо сидеть взаперти, я доставал из-под кровати коробку с альбомами и рисовал комиксы. Представлял, как мы втроем странствуем по миру: забираемся в африканские джунгли и переплываем океан в поисках приключений... Я все время спасал маму из разных передраг. Тебе, между прочим, там тоже отводилась важная роль – пухлого избалованного неженки, который вечно ноет и путается под ногами...

Лука от души расхохотался, и Тео, глядя на брата, тоже не сдержал улыбки. Но тут же снова посерьезнел.

– Как думаешь, где она сейчас?

– Я знаю не больше твоего, – пожал плечами Лука. – Ма... ну, то есть Йоана, говорила, что она собиралась встретиться с кем-то, кто обещал сделать паспорт на чужое имя, чтобы она могла покинуть страну. Однажды вечером она просто ушла и не вернулась.

– А как ты...

– О, да здесь, несмотря на поздний час, собрались истинные почитатели искусства, – пророкотал голос за их спинами. Тео вздрогнул и обернулся.

– Здравствуй, отец, – сказал он, подходя к высокому, груз-

ному блондину в военном кителе.

– Как я погляжу, ты безмерно рад встрече, сын! – мессер со смехом потрепал по плечу побледневшего Тео.

Лука вполне довольствовался ролью статиста в разворачивающемся на его глазах спектакле. Мессер, казалось, не замечал его, словно он превратился в одну из безмолвных статуй.

– А я только-только прилетел и дай, думаю, загляну в хранилище, найду подходящее местечко для новой находки. Взгляни, Вольф: редкая удача.

Мессер бережно достал из свертка керамическую статуэтку совы, облупленную и невзрачную. Его глаза сияли восторгом, как у ребенка, заполучившего новую игрушку.

– Коринфский арибалл⁷. Седьмой век до нашей эры. Чудом уцелел во время погрома Лувра.

– Эм-м... замечательная вещица, – тактично заметил Вольф.

– Все время забываю, что мой хост абсолютно не способен оценить подлинную красоту.

Мессер поставил статуэтку в один из застекленных стеллажей.

– Ну, ради созерцания какого шедевра вы пожертвовали драгоценными минутами сна? – он выхватил из рук сына

⁷ Коринфский Арибалл – древнегреческий сосуд в виде небольшой совы размером в 5 см, символического животного богини Афины, созданный для хранения ароматического масла.

портрет и помрачнел. — Анника. Мог бы и сам догадаться. Кажется, здесь ей пятнадцать. Так, Вольф?

— Да, кажется, — безучастно ответил тот, стоя за его плечом, как каменное изваяние.

— Запереть такую красоту в темном подвале — просто кощунство, вам не кажется? — запальчиво произнес Лука.

Мессер медленно перевел взгляд него, словно только сейчас обнаружив присутствие Луки.

— Этот портрет мог бы висеть в семейной галерее, если бы безрассудство Анники не поставило под удар будущее семьи. Это все сумасбродные идеи ее папаши, который забил голову дочери дребеденью о том, что люди равны.

Лука почувствовал, как в его сердце закипает злость на этого напыщенного, самодовольного болвана.

— А разве это не так?

— Люди априори не на равных. Даже два голых младенца, появившиеся на свет в один и тот же день. Потому что один — крепыш, который будет кричать, пока не добьется своего, а другой — хилый комочек мяса, способный только поскуливать. И чем старше они будут становиться, чем ярче будут проявляться задатки, заложенные генетикой, чем заметнее будет сказываться разница в воспитании и окружении, тем сильнее будет расти разница между ними, превращаясь в непреодолимую пропасть.

Лука набрал воздуха, чтобы возразить, но Вольф что-то шепнул на ухо мессеру.

– Что ж, это, пожалуй, действительно не самое удачное время и место для долгих разговоров, – хмыкнул мессер.

Вольф поспешно выпроводил их из хранилища. Двери фамильной сокровищницы с тихим шипением сомкнулись, утопив в безмолвной тьме артефакты исчезнувших цивилизаций и бесценные произведения искусства ушедших эпох.

Несколько мгновений, пока Лука вынужденно находился с мессером в замкнутом пространстве кабины лифта, показались ему мучительно долгими: он разглядывал собственные кеды, лишь бы не встречаться с ним взглядом, и даже задержал дыхание, чтобы не чувствовать одуряющего запаха его одеколона.

У дверей Галереи старых мастеров мессер Вагнер коротким кивком распрощался с сыновьями и в сопровождении верной тени за правым плечом размашистым шагом двинулся по посыпанной гравием дорожке в сторону дворца.

В сердце Луки клокотала ледяная ярость. В первую же встречу, которая и длилась-то всего пару мгновений, мессер сделал то, что ему не удалось за все предшествующие пятнадцать лет – вызвал стойкое неприятие и отторжение любых родственных связей.

Как ни странно, в детстве Лука не испытывал тоски по отцу, его молчаливое отсутствие не фонило, не ощущалось зияющей пустотой. Как никогда в его душе не было и обиды на мать, которая оставила его. У него была Йоана, была маленькая квартирка, которую он считал домом, была модель

парусника, мечты о море и ватага шумных приятелей с соседней улицы – и этого было вполне достаточно для счастья. Так повезло далеко не всем: у многих его ровесников не было даже крыши над головой – зимой они разжигали костры в заброшенных зданиях или под мостом, чтобы согреться, и, просыпаясь, не знали, получится ли сегодня разжиться чем-то из съестного или снова придется голодать. Среди его приятелей не было никого, за исключением Флика, кто рос бы в окружении семьи и многочисленной родни. Наверное, поэтому Луке так нравилось бывать в его доме.

Тео считался единственным наследником могущественного клана, но отеческого тепла на его долю выпало ничуть не больше, чем Луке, внезапно понял он, заметив, как разом сникший брат провожает удаляющиеся фигуры мессера и его советника взглядом побитой собаки.

– Эй, что нос повесил? – Лука хлопнул Тео по плечу, чтобы приободрить. У парня и впрямь был такой вид, что того и гляди расплачется.

– Отец рассердился, что я забрался в хранилище. И из-за маминого портрета.

– Да брось, вот уж действительно страшное преступление.

– Ты не понимаешь...

– Да, куда уж мне... И все же думаю, у него найдутся дела поважнее, чем распекать наследника за такую ерунду. Вольф обмолвился, что сегодня во дворце соберутся важные шишки.

– Ах, да, сегодня же встреча совета семи семейств. Я и забыл совсем. Тогда отец вряд ли освободится раньше полуночи.

– Интересно, что они будут обсуждать там, на совете?

– Войну. Как обычно, – равнодушно пожал плечами Тео. – Если в комнате набивается с десятков людей в погонах, разговор всегда идет только о войне – прошлой, настоящей или будущей. Покричат, выпустят пар, а потом раскурят сигары и устроят попойку.

– Верно говорят: у взрослых свои игрушки. Вот бы взглянуть хоть одним глазком.

– Ты серьезно? Это же скучотища. Но если тебе и вправду интересно, я могу провести через кроличью нору.

– Что?

– Знаешь, а и правда, пойдем! Это будет даже забавно. В детстве я обожал эту игру – мог прятаться целыми днями. Вольф приходил в ярость и готов был разобрать весь дворец по кирпичику!

Следом за братом Лука взлетел по парадной лестнице и, пройдя через длинную анфиладу залов, свернул в неприметную боковую дверь. Низкий диванчик на кокетливо изогнутых ножках, затянутый в серый полотняный чехол, этажерка и несколько колченогих разрозненных стульев сиротливо жались к стенам, словно опасаясь быть раздавленными королевским ложем – оно занимало практически все пространство комнаты. На высоченной перине с комфортом могли бы

улечься пять человек разом. Оставалось загадкой, как великаний альков оказался в этой комнатке: он не вписался бы в дверной проем, да и просто для того, чтобы сдвинуть его с места, понадобилась бы армия слуг.

– Здорово, правда?! – глаза Тео так и сияли детским восторгом.

Он подпрыгнул и ловко уцепился за перекладину, к которой крепился пыльный балдахин из бордового бархата с тяжелыми золотыми кистями.

– Ну же, давай! Что застыл?

Лука всем весом навалился на одну из угловых опор, чтобы подтянуться, но та даже не скрипнула. В узком зазоре между верхней балкой алькова и потолком виднелся темный вентиляционный лаз. Лука полз в полной темноте, глотая комья паутины и пыли и уворачиваясь от подошв кроссовок Тео, которые мелькали совсем рядом с его лицом.

– Ни звука! Здесь слышимость – как в венской опере, любой шепоток разносится.

Вдали послышались смутные голоса. Тео здорово лягнул Луку прямо в лоб и сам же возмущенно шикнул. Затаив дыхание, они проползли еще немного, чувствуя себя настоящими заговорщиками.

– Мы слишком долго пребывали в иллюзии, что война идет где-то далеко, на побережье, и эта волна не докатится до сердца континента.

Лука узнал голос мессера, уверенный и твердый. Тео ока-

зался прав: разговор шел о войне. Войне, которая длилась, как теперь казалось Луке, сколько он себя помнил. Война стала привычным фоном жизни, как погромыхивающая где-то в отдалении гроза.

С запада Ганзейский союз граничил с землями, на которых обитали чернокожие выходцы из Африки. Истоки их нашествия на западное побережье Европы были запутанными: в раскаленном котле экваториального континента все время что-то мерно булькало, а время от времени со дна поднималась мутная пена. Когда ситуация накалялась, в опасную зону отправлялись войска миротворцев и лайнеры с гуманитарным грузом, чтобы танкеры с нефтью и ценной рудой все так же шли морем в европейские порты. Но новый вирус, военные конфликты и несколько засушливых лет привели к голоду библейского масштаба. От грязной воды вспыхнули эпидемии тифа, дизентерии, холеры и прочих болезней, о которых не слышали уже чуть ли не сотню лет. Во многих африканских странах власть захватили вооруженные до зубов повстанцы, завязалась междоусобица. Удельные князьки раздирали континент, как шакалы – тушу околевшего слона. Вспыхнули, словно тлеющие угли, старые распри между племенами. Перепуганные люди страдали от голода, болезней и произвола вооруженных банд. Все это происходило за наглухо закрытым занавесом, и остальному миру оставалось только теряться в страшных догадках об истинном положении дел. Как оказалось, это было еще не самое страшное. Де-

сять лет назад в этих пограничных землях разверзся настоящий ад: пять богатейших африканских стран в кратчайшие сроки обзавелись ядерным арсеналом. Расклад сил стремительно менялся: союзы заключались и распадались, границы сдвигались. Ядерная война началась и закончилась в одночасье: от запуска первой смертоносной ракеты до ответного удара прошло всего пять часов. И надолго наступила тишина...

Связь с большей частью континента была утеряна. Некоторые прибрежные районы почти не пострадали, но пробраться вглубь континента никто не отваживался. Магистралы, железнодорожные пути, аэродромы были уничтожены. На огромных радиоактивных пустошах сбились не только приборы навигации, но и вообще вся электроника. Ветер разносил дым и грозившие пролиться ядовитым дождем облака. Никто не знал, сколько погибло. Никто не знал, сколько выжило и что вообще происходит.

Когда Красный Крест наконец пробился в районы, где прогремели ядерные взрывы, мир узнал о масштабах катастрофы и – содрогнулся. Все увидели города, от которых остались лишь обугленные руины, мертвая выжженная земля. Наблюдая за разразившейся трагедией, унесшей жизни сотен миллионов, никто поначалу не замечал, как назревает нечто еще более страшное. Сотни тысяч, миллионы выживших людей нуждались в крове, еде и лекарствах. Африка стала непригодной для жизни.

Это была зияющая гниющая рана. Саркома. Лагери беженцев не вмещали все прибывающие толпы, и они устремились прочь с материка. Это напоминало библейский исход. Так беженцы с отравленного континента расползлись по всему миру.

Ни в одной стране не встретили голодных, обездоленных, отчаявшихся людей с распростертыми объятиями, но остановить этот поток было невозможно. Даже крошечные островки в Средиземном море, которые прежде слыли фешенебельными курортами, стали транзитной зоной, перевалочным пунктом для обезумевшей толпы.

Некоторые из германских земель, видя тень растущего хаоса, обособились окончательно и спешно закрыли границы. На северном побережье Ганзы без предупреждения стали расстреливать и топить все сомнительные суда и самолеты. Со всего мира сыпались упреки в антигуманизме, но мессеру Вагнеру, железному мессеру Манфреду Вагнеру, было на это решительно плевать – в чем он чистосердечно признался, выступая в качестве представителя Ганзейского союза на очередном съезде ООН перед тем, как громко хлопнуть дверью. Теперь каждый сам за себя – провозгласил он. Политика коллективной безопасности с грохотом провалилась.

Потом была затянувшаяся на целое десятилетие война за жизненное пространство, в которой не было победителей – только проигравшие. На ганзейских границах до сих пор то и дело возникали стычки и перестрелки. На фоне

остальной Европы все же Ганза выглядела землей обетованной: по крайней мере, люди не умирали от голода, здесь не свирепствовали эпидемии, не бесчинствовали банды мародеров.

– Но сейчас, – продолжал мессер Герхард Вагнер, – хотя границы под надежным замком, не стоит обманываться ложной иллюзией: это кажущееся перемирие выглядит как затишье перед бурей. Все это время, отстаивая рубежи, солдаты Ганзы стояли насмерть, не оглядываясь назад, потому что знали: там их земля, их дом, их родные и близкие, дети и старики. Но там притаился враг – незаметный, изворотливый, как змея. Он набирался сил, высасывая соки из немецкой земли, наживал несправедливый капитал, промышляя обманом и воровством.

– Мы слишком долго выносили соседство с чужаками, которые топчут нашу землю, едят наш хлеб и коверкают наш язык, – голос мессера Герхарда Андреаса Вагнера зазвенел от гнева. – Слишком долго относились к ним с преступной снисходительностью. Как к приبلудному псу, крадущему объедки из мусорных баков – он казался настолько жалким, что не хотелось тратить время на то, чтобы пристрелить его. Но мир меняется. На западе сгущаются тучи. Искры уже сверкают в воздухе. Это как смертельный вирус: невозможно предсказать, кто подхватит лихорадку и свернет на кривую дорожку. Мы должны гарантировать безопасность для своих людей.

Повисло молчание, и с каждой минутой тишина становилась все более зловещей.

– Что... кх-м... Что конкретно вы предлагаете, мессер? – проскрипел старческий голос.

– Ганзейскому союзу необходима еще одна армия. Внутренняя. И программа по переселению некоренных ганзейцев из крупных городов на приграничные территории, которые за долгие годы войны фактически превратились в безлюдные, выжженные пустоши.

Его страшные слова утонули в море возгласов – возмущенных, одобрительных, изумленных, встревоженных.

– Эта необъявленная война уже развязана. И не мной. Мой сын, Тео, был похищен бандой выходцев из арабских стран, которые промышляли грабежами и разбоем. Его жизнь висела на волоске. Никто сегодня, засыпая в свой постели, уже не может быть уверен в надежности стен и замков. Нельзя ждать, пока они возьмутся за оружие. Мы должны нанести упреждающий удар.

И снова – всплески хлопков, крики, грохот опрокинутых стульев.

– Давай выбирать. Что-то я уже задыхаюсь, – сдавленным голосом прошептал Тео.

Отряхиваясь от пыли, он выглядел странно смущенным, словно только что они подслушали постыдный секрет отца, который бросал тень на победительный образ мессера.

– Что это было? Теперь он что, собрался воевать против

жителей Ганзы с неправильным цветом кожи и нечистым выговором?

– Нет, что ты! Вряд ли он имел в виду именно это.

– А что же, Тео, если на это? Ты зря пытаешься выгородить его – у меня нет и не было никаких иллюзий на его счет.

– Никого я не выгораживаю! Все это – пустые разговоры. Я же говорил: соберутся генералы, покричат, выпустят пар и разойдутся. Все как обычно.

– Что-то мессер не показался мне человеком, который бросает слова на ветер, – задумчиво ответил Лука.

Но Тео явно стремился поскорее свернуть разговор с опасной колеи.

– Пойдем. Уже, наверное, страшно поздно. Хотя... раз уж мы оказались в этой части дворца... Ты не против еще немного задержаться?

Лука только усмехнулся.

– Да я готов хоть дрова колоть, лишь бы за зубрежку идиотского трактата не садиться.

Тео с заговорщическим видом провел его в одну из дальних комнат в восточной части резиденции. Шторы из плотной синей ткани были приспущены. Свет хрустальных люстр мягко отражался в навоощенном паркете. Вероятно, когда-то это была комната для музицирования, но теперь здесь царило печальное запустение. Из прежней обстановки сохранилась только банкетка и фортепиано. На его полированной крышке из красного дерева лежала забытая кем-то стопка

пожелтевших нот.

– Вольф рассказывал, что мама очень любила бывать здесь. Когда она ушла, отец велел убрать все, что напоминало о ней. Он порывался разрубить фортепиано в мелкую щепу. Но Вольфу удалось усмирить его. Инструмент старый, с уникальным звучанием. Но главное, конечно, не это. В детстве, когда мне было особенно грустно, я прибегал сюда и представлял, что мама вот-вот войдет. Сядет за фортепиано, наиграет что-то, рассмеется... Глупости, конечно... Но когда ты ребенок, важно верить во что-то, пусть даже это-му никогда не суждено сбыться.

– А ты сам умеешь играть?

– Так, самую малость. Вольф в свое время настоял, чтобы я занимался музыкой, – ответил Тео, в задумчивости нажимая то одну клавишу, то другую. Разрозненные звуки мягко тонули в полумраке, притаившемся в углах музыкального зала.

– А сыграй что-нибудь?

Тео нерешительно коснулся клавиш, точно подбирая шифр к тайному замку.

Инструмент востребовался. Лука, не отрывая взгляда, следил, как от прикосновения чутких пальцев Тео рождаются звуки музыки, и не мог избавиться от ощущения, что инструмент ластится к брату, как старый преданный пес.

– Здорово, – искренне восхитился он. – Миа... тоже любит музыку.

– Кто?.. – переспросил Тео, словно очнувшись.

– Слушай, а давай в саду прогуляемся? – внезапно предложил Лука.

– Что? Сейчас? Ночь же.

– Да ладно, сна все равно ни в одном глазу. Там ночью хорошо. Даже лучше, чем днем. Людей нет. Дышится свободно. И звезды. Ну так что?

– Вольф после похищения настрого запретил мне выходить без охраны, – неуверенно потянул Тео.

– Брось, ты же не один. Ты со мной. И это – не дремучий лес, а дворцовый парк, где каждая травинка – под прицелом тысяч камер.

– Хорошо. Только погоди минутку, я захвачу куртку. Мы же просто прогуляемся?

– Есть идея получше: проберемся на кухню за хлебом и ветчиной и устроим полуночный пикник.

В глазах Тео разгорелся огонек.

– Ты серьезно? Не шутишь? Настоящий пикник? С костром?

– Ну разумеется. Что за пикник – без костра?

Они по-шпионски проскользнули на кухню, набрали припасов и выбрались в ночной сад.

В траве звонко пели цикады. Гроздь алмазных звезд царственно сияли на черном бархате неба. Ласковый ветер приносил запахи трав.

– Роскошная ночь, – выдохнул Тео.

– Идем, покажу один укромный уголок. Готов спорить, ты о нем и не знал, хотя прожил тут всю жизнь.

Они пробежали по росистой траве и нырнули под густые заросли акации.

– Даже и не скажешь, что мы посреди города, да? – мечтательно прошептал Тео, щурясь на пламя костерка, который Лука развел под сенью раскидистой старой липы. – Так тихо!

Лука подбросил в огонь еще несколько сухих веточек.

– Знаешь, я всегда мечтал – вот так, с братом... Хорошо все-таки, что ты нашелся.

Лука усмехнулся.

– Ну ты... не слишком-то привыкай. Мы с Вольфом условились, что я останусь только до осени.

– До осени? Но почему? Но ведь это теперь и твой дом тоже. Разве тебе здесь плохо?

Лука рассмеялся.

– В сравнении с нашей каморкой в Гамбурге тут и вправду неплохо. Но, видишь ли, у меня другие планы на жизнь.

– Планы?

– Ну да. Поступить в колледж, наняться матросом на трансатлантический лайнер...

– Ты – Вагнер. Твое место – здесь, – убежденно сказал Тео.

– Ой, да брось! Хоть ты не начинай всю эту канитель про фамильное предназначение, – отмахнулся Лука. – Я знаю свое место.

– Вольф говорит, ты совсем не глуп и вообще показыва-

ешь поразительно высокую успеваемость, учитывая...

– Слушай, я не тупой, ясно? – вспыхнул Лука.

– Да я...

– Если хочешь знать, я учебу бросил вовсе не потому, что... Я даже выиграл грант на обучение в гимназии святого Веренфрида – это так, к слову... – Лука помолчал, сердито ломая ветки и бросая в костер.

Тео замер, боясь даже повернуть голову, чтобы не спугнуть откровенность брата неосторожным словом или взглядом.

– Йоана была так счастлива! – продолжал Лука. – «Ты вытянул счастливый лотерейный билет, мой мальчик», – твердила она. В первый день всех учеников гимназии собрали после уроков в актовом зале: в полутьме тихо жужжал проектор, и на огромном, во всю стену, экране мелькали волшебные картинки: благочинные мальчишки в отутюженной форме с двумя рядами серебряных пуговиц изучали в колледже морское дело. О, я готов был отдать правую руку, чтобы хоть ненадолго оказаться на месте любого из них! Потом фильм закончился, вспыхнул яркий свет, и директор произнес прочувствованную речь. Мол, учитесь прилежно, дети, потому что каждый год лучший ученик выпуска получает грант на обучение в колледже за счет пожертвований попечительского совета гимназии. Имена лучших из лучших навсегда выбиты в зале славы. В тот вечер я твердо решил: мое имя тоже должно быть там.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.